

The background of the cover is a vibrant, painterly illustration of a city at night. A large, illuminated Gothic cathedral with a tall spire is the central focus, its lights reflecting on a river in the foreground. The sky is a deep blue, filled with numerous glowing, golden lanterns that appear to be floating or falling. The overall style is reminiscent of a digital painting or a stylized illustration.

ДАНИЭЛА СТИЛЛ

*Ночь
волшебства*

Даниэла Стил
Ночь волшебства

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Стил Д.

Ночь волшебства / Д. Стил — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-100611-2

Раз в году в Париже происходит удивительный Белый ужин, гости которого, мужчины и женщины, зажигают и выпускают в небо белоснежные китайские фонарики. Если верить легенде, сбудется заветное желание каждого, кто выпустил такой фонарик. Но в жизни, увы, все не так просто. Чья же мечта сбудется, а чьи надежды разобьются о жестокую реальность? Сумеют ли владельцы империи от-кутюр Бенедетта и Григорио не только сохранить свой бизнес, но и преодолеть кризис в отношениях? Удастся ли сберечь семью финансисту Жану Филиппу и редактору знаменитого журнала Валерии, которым предстоит долгая разлука? И что ожидает лучших друзей – сценаристку Шанталь и антрепренера Дхарамы, – чье доверие и симпатия друг к другу скоро подвергнутся серьезным испытаниям? Летят, летят в рассветное небо белые фонарики – и каждый уносит за собой чью-то пока несбывшуюся мечту!..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-100611-2

© Стил Д., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Даниэла Стил

Ночь волшебства

Danielle Steel
MAGIC

© Danielle Steel, 2016

© Перевод. В. Д. Кайдалов, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Моим чудесным детям

Да будет всегда присутствовать в вашей жизни очарование!

Всматривайтесь в него!

Верьте в него!

Лелейте его!

Ибо вы сами очарование моей жизни!

И я люблю вас всем сердцем.

Глава 1

Белый ужин давно уже стал любовной поэмой дружбы, наслаждения, элегантности и самым прекрасным праздником в Париже. Другие города мира пытались создать нечто подобное у себя, но, увы, без особого успеха. Так и получилось, что Белый ужин проводится только в Париже, и это событие там столь почитают и уважают, да и воплощают в жизнь с таким успехом, что ничего похожего невозможно представить себе в другом городе мира.

Это началось около тридцати лет назад, когда морской офицер и его жена решили отметить юбилей со своими друзьями творческим, необычным способом, перед одним из своих любимых памятников в Париже. Они созвали на этот юбилей около двадцати своих друзей, попросив всех одеться в белое. Они приехали с раскладными столиками и стульями, белоснежными скатертями, столовым серебром, хрусталем, цветами и фарфором для сервировки столов, принесли с собой изысканные яства и разделили светлый праздник со своими гостями. Белый ужин имел такой успех, что они повторяли его снова и снова в следующие годы уже в других, но столь же замечательных местах этого прекрасного города. И с тех пор проведение Белого ужина стало традицией, в которой принимали участие все больше и больше людей, собиравшихся, чтобы отметить этот июньский вечер именно таким образом: облачившись в белые одежды.

Участие в этом празднестве только по приглашению стало традицией, которая соблюдается до сих пор абсолютно всеми и превратилась с течением времени в одну из самых заботливо хранимых тайн Парижа. По-прежнему остается нерушимым обязательством являться на праздник одетым во все белое, и каждый участник прилагает множество усилий, чтобы выглядеть предельно элегантно, следуя этой традиции. Каждый год Белый ужин организуется перед самыми различными памятниками Парижа, а город представляет массу возможностей для этого. Участники собираются перед фасадом собора Парижской Богоматери, у Триумфальной арки, у подножия Эйфелевой башни, на Трокадеро, на площади Согласия, между пирамидами у входа в Лувр, на Вандомской площади. К настоящему времени Белый ужин прошел уже во множестве мест, и каждое из них было прекраснее предыдущего.

С годами участников Белого ужина стало так много, что теперь он проводится в двух местах одновременно, а общее число участвующих в нем приближается к пятнадцати тысячам человек. Достаточно трудно представить себе, что вся эта масса людей ведет себя корректно, в соответствии с правилами, и соблюдает все традиции, но каким-то удивительным образом они умудряются делать это. Предпочтение отдается правильному питанию, не допускаются всевозможные хот-доги, гамбургеры и бутерброды. Полноценный ужин должен быть привезен с собой, сервирован на столе, накрытом белой льняной скатертью, с серебряными столовыми приборами, хрусталем и фарфором, совсем как в дорогом ресторане или дома по случаю приема почетных гостей. По окончании вечера весь мусор, вплоть до последнего обрывка салфетки, должен быть упакован в белый пакет и вывезен, причем нельзя оставлять даже мизерного сигаретного окурка. Никаких признаков состоявшегося празднества не должно остаться в прекрасном районе, избранном на этот раз для проведения Белого ужина. Все его участники обязаны вести себя культурно, а затем разойтись так же элегантно, как и прибыли.

Полиция закрывает глаза на подобные сборища, хотя для проведения Белого ужина власти города не выдают никакого официального разрешения, несмотря на значительное число его участников (выдача разрешения была бы несовместима с неожиданностью выбора места), и примечательно, что незваных гостей не бывает. Приглашение на Белый ужин желанно для получившего его, но те, кто не удостоился чести попасть в список гостей, никогда не появляются на празднике и не пытаются утверждать, что они были включены в список приглашенных. До сих пор не случалось никаких недоразумений или попыток проникнуть силой на подобное

мероприятие. Этот радостный вечер остается праздником чистого наслаждения, подчеркнутого уважения к другим гостям и любви к городу.

Половина интриги заключается в том, что никто не знает, где в этом году будет организовано подобное празднество. Этот формальный секрет хранится его шестью организаторами едва ли не с религиозной фанатичностью. А когда наступает время, пары получают приглашения, причем каждая из них должна принести свой собственный складной стол и два стула заранее оговоренных размеров.

Организаторы ужина сообщают своим заместителям адрес первого места встречи, куда должны прибыть все участники. Приглашенные гости обязаны появиться в оговоренном месте со своими угощениями, столами, стульями ровно в восемь часов пятнадцать минут вечера. Две группы будут ужинать в двух разных местах. Возбуждение начинает нарастать тогда, когда сообщается первое место сбора, где собравшиеся гости получают информацию о подлинном месте сбора только вечером того же дня. Это позволяет участникам предположить, где же они в итоге соберутся на ужин, но эти предположения остаются догадками, поскольку имеется несколько возможных мест вблизи от первого пункта сбора. Участники ужина быстро собираются в первом указанном им месте одетые во все белое. Друзья находят друг друга в собравшейся толпе, окликают и выражают восторг по поводу того, что оказались вместе. Страсти кипят здесь примерно в течение получаса, а ровно в восемь часов сорок пять минут называется конечный пункт сбора, не более чем в пяти минутах ходьбы пешком от того места, где ждут собравшиеся участники мероприятия.

Как только вождеденный адрес будет объявлен, каждая пара занимает отведенное ей место и устанавливает свой стол, как и другие приглашенные, в длинном ряду. Люди часто приходят группами, состоящими из супружеских пар и друзей, которые участвуют в этом мероприятии уже много лет, и ужинают рядом друг с другом за своими столами, стоящими в длинном ряду точно таких же столов.

К девяти часам семь тысяч человек собираются возле красивых памятников архитектуры и истории, которые оказались счастливыми победителями в качестве антуража этой ночи. И коль скоро участники добрались до избранного организаторами места и получили указание вымеренной до сантиметра точки, где должен стоять их стол, столы эти тут же раскладываются, кресла прочно устанавливаются рядом, скатерти разворачиваются, на них появляются канделябры, столы сервируются как для свадьбы. Спустя пятнадцать минут участники ужина, уже разместившиеся за столами, разливают по бокалам вино и радостно предвкушают впечатляющий вечер в кругу старых и новых друзей. Предшествующее ужину волнение и наконец раскрытие тайны места собрания позволяют его участникам чувствовать себя детьми, неожиданно попавшими втайне на организованную их родителями вечеринку. В половине десятого празднество уже в полном разгаре.

Ужин начинается примерно за час до захода солнца, и по мере того как светило опускается за горизонт, на столах зажигаются свечи, так что после наступления темноты вся площадь или то место, где проводится празднество, освещено только свечами, а семь тысяч его участников произносят тосты в честь друг друга, чокаясь бокалами, в гранях которых преломляются мерцающие огоньки свечей, горящих в серебряных канделябрах, являя собой подлинный праздник для взоров участников. В одиннадцать часов всем раздаются бенгальские огни, оркестр начинает негромко наигрывать танцевальные мелодии, добавляя веселья. На соборе Парижской Богоматери начинают звонить колокола, а священник произносит с балкона собора благословение. И ровно через полчаса после полуночи все собравшиеся исчезают, как мыши в ночи, не оставляя никаких свидетельств того, что они собирались здесь в очередной раз, но никуда не исчезает хорошо проведенное время, которое запомнится надолго, остаются новые друзья и объединяющее всех общее событие.

Другой интересный аспект этого мероприятия заключается в том, что оно не требует формирования некоего денежного фонда для его проведения. За приглашение того или иного лица не взимается никакая плата, каждый участник приносит свое собственное угощение и не может купить приглашение на Белый ужин. Другие города пытались извлечь прибыль из организации подобных ужинов и немедленно скомпрометировали эти мероприятия готовностью включить в список их участников случайных людей, не отличающихся изысканностью, но готовых выложить любую сумму за участие в ужине и тем самым испортить вечер для всех остальных. Парижский Белый ужин остался верен исходной его задумке, и это более чем оправдалось. По мере приближения даты очередного Белого ужина все его возможные участники предвкушают участие в нем. За тридцать лет проведения ни разу не был выдан секрет места его организации, что только добавляет ему популярности и окутывает ореолом таинственности.

Люди целый год живут ожиданием Белого ужина и никогда не бывают разочарованы организацией этого волшебного события. Нет никакого сомнения, что побывавший на подобной церемонии человек никогда не сможет забыть его, с первого момента до последнего. Память о нем долго будут лелеять те, кому посчастливилось получить приглашение участвовать в нем. И каждый согласится с тем, что во время подобных событий воистину творятся чудеса.

Жан Филипп Дюма участвовал в Белом ужине уже в течение десяти лет, с тех пор как ему исполнилось двадцать девять. Будучи другом одного из шести организаторов этого мероприятия, он получил позволение пригласить девять пар, с тем чтобы сформировать группу из двадцати участников. Каждый год Жан Филипп тщательно выбирал свой круг, и наряду с хорошими друзьями, которых приглашал и раньше, он старался включить в эту группу несколько новых людей, которые, как ему казалось, станут уважать установленные правила, будут вполне совместимы со своими соседями и хорошо проведут время. В составляемом им списке приглашенных гостей не было ничего случайного или мало продуманного. Он подходил к этому делу очень серьезно, и если подозревал очередного кандидата в том, что тот не сумеет вписаться в атмосферу вечера либо не сможет ею насладиться, а то и попытается использовать вечер как возможность создать сетевую конструкцию, для чего он совершенно не был приспособлен, то на следующий год заменял их другими участниками. Обычно он приводил с собой основной состав своих проверенных друзей, которые каждый год просили его о подобном приглашении.

Семь лет назад Жан Филипп женился на американке Валерии, она полностью разделила его любовь к этим ужинам, так что каждый год они вместе тщательно оговаривали и составляли список участников.

Жан Филипп занимался международными капиталовложениями одной из крупных компаний. Валерия познакомилась с ним в Париже. Теперь, в возрасте тридцати пяти лет, она была заместителем главного редактора французского издания «Вог» и считалась основным кандидатом на пост главного редактора, после того как нынешний его редактор выйдет на пенсию. Восемь лет назад Жан Филипп влюбился в нее с первого взгляда. Высокая, стройная, умная, с прямыми темными волосами, она была шикарной, но не утомляла своим шиком, как это порой случается, и обладала тонким чувством юмора, прекрасно вписавшись в группу друзей мужа. Она и Жан Филипп отлично ладили между собой, а после женитьбы в течение шести лет обзавелись тремя детьми – двумя мальчиками и девочкой. Они были прекрасной парой, с которой каждому хотелось проводить время. До переезда в Париж Валерия работала в американском издании «Вог» сразу после окончания колледжа. К работе она относилась весьма серьезно, но при этом ей удавалось быть хорошей матерью и женой, каким-то образом совмещая все это. Валерия прилагала большие усилия, чтобы выучить французский язык для общения со своим мужем, хотя и в ее собственной работе знание языка было необходимо. Теперь она могла свободно общаться с фотографами, стилистами и дизайнерами. В ее речи слышался сильный американский акцент, которым ей нравилось поддразнивать собеседника, но по-французски она

говорила свободно. Каждое лето Жан Филипп и Валерия отправляли детей в семейный дом в штате Мэн, чтобы они могли общаться со своими американскими родственниками, но для Валерии истинной родиной стала Франция. Она больше не скучала по Нью-Йорку и не хотела там работать. Париж же она считала самым прекрасным городом в мире.

У них был широкий круг друзей, и они вели оживленную светскую жизнь. Их семья занимала великолепные апартаменты. Они довольно часто позволяли себе различные развлечения, порой готовили сами для друзей или же нанимали повара для неформальной дружеской вечеринки. Их приглашения всегда были желанными, особенно на Белый ужин.

Валерия познакомилась с Бенедеттой и Грегорио Мариани на Неделе моды в Милане сразу после того, как переехала работать в парижском издании «Vogue». Они тут же пришли по сердцу друг другу, да и Жан Филипп тоже полюбил их. Впервые они пригласили итальянцев на Белый ужин еще до того, как Жан Филипп женился на Валерии, а только начал встречаться с ней. С тех пор супруги Мариани стали постоянными гостями этого мероприятия, каждый год специально прилетая на него из Милана. В этом году Бенедетта блистала в белом вязаном платье, дизайн которого придумала сама, чтобы продемонстрировать свою великолепную фигуру, а Грегорио был облачен в белый костюм, сшитый в Риме, с галстуком белого шелка, изящную белую рубашку и белые замшевые туфли. Грегорио и Бенедетта всегда выглядели так, словно сошли со страниц роскошного журнала мод. Их семьи уже сотни лет вращались в индустрии моды, и им удалось объединить свои таланты на благо обоих домов. Семейный Дом моды Бенедетты разрабатывал вязаные изделия и спортивную одежду, которые были известны во всем мире, а теперь стали еще более популярны, чем раньше, благодаря ее таланту к дизайну. Семья же Грегорио выпускала лучшие текстильные изделия в Италии уже в течение двух столетий.

Они были женаты двадцать лет, и все это время Грегорио работал вместе с женой, тогда как его братья управляли принадлежавшими семье фабриками, поставляя им большинство своих материй. Мариани были несколько старше Жана Филиппа и Валерии: Бенедетте уже стукнуло сорок два года, а Грегорио – сорок четыре, но им всегда было весело и приятно работать вместе. Детей у них не было, поскольку в свое время они обнаружили, что Бенедетта бесплодна, и решили не брать в семью приемных детей. Вместо этого Бенедетта вложила всю свою любовь в модный бизнес и трудилась бок о бок с Грегорио с впечатляющими результатами.

Единственным болезненным аспектом их брака была слабость Грегорио к красивым женщинам, и порой его скандальное поведение даже привлекало внимание прессы. Хотя Бенедетта и порицала супружескую неверность, на похождения мужа давно уже закрыла глаза, поскольку все его увлечения заканчивались достаточно быстро, не оставляя после себя никаких серьезных последствий. Грегорио никогда не влюблялся по-настоящему в женщин, с которыми заводил романы, и в этом отношении выглядел ничуть не хуже мужей многих ее итальянских подруг. Разумеется, она не приходила в восторг, когда Грегорио заводил очередной роман, и даже жаловалась друзьям, но он всегда был смиренен, клялся в страстной любви к ней одной, и она постоянно прощала его. Ко всему прочему, он безукоризненно соблюдал правило – никогда не спать с женами своих друзей или подругами Бенедетты.

Грегорио испытывал непреодолимое тяготение к моделям, в особенности к самым юным, и Бенедетта старалась не поручать ему никаких работ с ними именно по этой причине. Хотя совершенно не было смысла создавать препятствия на его пути, поскольку искушений у Грегорио и без того хватало. Рядом с ним всегда находилась какая-нибудь молоденькая девочка, внимавшая каждому его слову, когда его жена отвлекалась на что-нибудь, но он не допускал ни малейшего знака неверности при супруге. Он обожал свою жену. Грегорио был поразительно красив, а вдвоем они притягивали все взоры, стоя на площади Дофина вместе с Жаном Филиппом и своими друзьями, пытаясь угадать, где в этот вечер состоится Белый ужин. Все гости высказывали те или иные предположения, но Жан Филипп считал, что это будет площадь перед собором Парижской Богородицы.

Как оказалось, Жан Филипп не ошибся, когда место было объявлено, как и положено, ровно без четверти девять под восторженные возгласы и аплодисменты собравшихся. Это было одно из любимейших мест сбора всех участников праздника. К этому моменту подошли последние участники, и теперь все были готовы отправиться к месту ужина.

Шанталь Живерни, еще одна из ближайших подруг Жана Филиппа, каждый год являлась участницей этих празднеств. В свои пятьдесят пять она была несколько старше остальных его участников и уже много лет успешно занималась созданием сценариев. Она дважды была награждена премией «Сезар»¹, а также номинирована на «Оскар» и «Золотой Глобус»² в США, всегда созидавая нечто новое. Ее драматическое искусство демонстрировало внушительную силу, порой она создавала сценарии значительных документальных фильмов, обычно обличавших жестокость и несправедливость по отношению к детям и женщинам. Сейчас она тоже работала над сценарием, но не могла пропустить такое мероприятие, как Белый ужин. Шанталь была одним из наиболее близких к Жану Филиппу человеком и его доверенным лицом. Однажды вечером они познакомились во время ужина и почти сразу же подружились. Они часто обедали вместе, и Жан Филипп всегда спрашивал у нее совета по тому или другому случаю. Ее мнению он доверял безоговорочно, так что их дружба и время, которое они проводили вместе, стали подарком для обоих.

Шанталь была в восторге, когда он и Валерия поженились, и считала, что они идеальная пара. Она стала крестной матерью для их первенца, Жана Луи, которому теперь исполнилось пять лет. У нее самой уже было трое взрослых детей, которые разлетелись по свету. Овдовев в молодом возрасте, Шанталь посвятила себя целиком своим детям, и Жан Филипп знал, как она переживает из-за того, что теперь они живут так далеко от нее. Она, однако, воспитывала в них независимость и всячески поощряла их следование своему выбору в жизни. Эрик, ее младший сын, был художником в Берлине; старший, Поль, трудился независимым кинопродюсером в Лос-Анджелесе, а дочка Шарлотта, окончив Лондонскую школу экономики и защитив диплом в Колумбийском университете, стала банкиром в Гонконге. При этом никто из них не испытывал желания возвратиться во Францию, так что Шанталь жила в одиночестве.

Шанталь всегда была благодарна своей работе за то, что она занимала все ее время. Порой она навещала детей, но не хотела вмешиваться в их жизнь. Они жили своими собственными жизнями и ожидали того же и от нее. Она сожалела только о том, что посвятила всю себя детям и была так привязана к ним, что не делала никаких усилий, чтобы завязать какие-либо близкие отношения с мужчиной, пока дети были еще маленькими. И так и не смогла встретить того, кто бы ее заинтересовал. Но она никогда не жаловалась на одиночество, хотя Жан Филипп беспокоился о ней и желал, чтобы она встретила достойного человека. Только один раз Шанталь призналась ему, как трудно жить, когда дети находятся так далеко, но большую часть времени она проводила с друзьями, не уставала радоваться жизни и добавляла веселья и интеллектуальной изысканности в любую дружескую встречу.

Остальные из числа их друзей этим вечером тоже участвовали ранее на Белом ужине, будучи приглашенными туда в качестве гостей Жана Филиппа и Валерии. Исключением стал один очаровательный индус родом из Дели, с которым они познакомились в Лондоне около года назад. Дхарам Сингх был самым успешным предпринимателем в Индии. Он консультировал компании по всему миру и являлся одним из признанных технологических гениев. При всех своих выдающихся способностях он был обаятельным, скромным и очень привлекательным внешне человеком. Он имел бизнес и в Париже, поэтому и был приглашен на ужин, главным образом для Шанталь, поскольку у нее не имелось кавалера и ей предстояло сидеть за

¹ «Сезар» – национальная кинопремия Франции; вручается с 1976 г. Академией искусств и технологий кинематографа по результатам голосования. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² «Золотой глобус» – американская премия, присуждаемая Голливудской ассоциацией иностранной прессы с 1944 г. за кинофильмы и телевизионные картины.

столом одной. Жан Филипп был уверен, что они поладят между собой, хотя, похоже, Дхараму нравились более молодые женщины. Пусть даже их знакомство не выльется в нечто большее, супруги Дюма не сомневались, что Дхарам и Шанталь интересно проведут время в обществе друг друга.

Дхараму исполнилось пятьдесят два, он был разведен, двое его взрослых детей жили в Дели. Его сын занимался бизнесом вместе с отцом, а красавица дочь вышла замуж за богатейшего человека Индии и родила троих сыновей. Белый костюм Дхарамы, сшитый лучшим лондонским портным, придавал ему несколько экзотический вид. Шанталь принесла с собой скатерть и столовые приборы, а он присовокупил к этому икру в серебряной чаше, шампанское и прекрасное белое вино.

Шанталь выглядела в этот вечер чудесно и, как всегда, казалась моложе своих лет благодаря стройной фигуре, не тронутой годами ухоженной коже и длинным светлым волосам. Она живо обсуждала с Дхарамом производство фильмов в Индии, весело смеялась, когда он с громким хлопком открыл бутылку шампанского, предложив по бокалу также Валерии и Жану Филиппу. Обитатели нескольких соседних столиков уже наслаждались кулинарными шедеврами друг друга, праздничная атмосфера захватывала и остальных. К половине одиннадцатого ужин был в самом разгаре, бокалы вскипали прекрасными винами, кулинарным изыскам воздавалось должное, старинные друзья вспоминали минувшее, заводились новые знакомства.

Позади Грегорио и Дхарам оказался столик с группой молодых и очень красивых девушек, которых Грегорио и Дхарам сразу заметили, но затем стали упорно делать вид, будто не видят их, сосредоточив все внимание на обществе дам за своими столиками. Жан Филипп и Валерия были центром этой небольшой привлекательной группы, которая явно наслаждалась вечеринкой, смеясь и веселясь, по мере того как солнце медленно опускалось за крыши домов, а его последние лучи отражались в цветных витражах собора. Вид был изысканный. Церковные колокола начали свой перезвон почти сразу же после того, как прибыли участники торжества, словно приветствуя их. А на балконе появился священник и распростер руки, как будто благословляя гостей.

Через полчаса, когда солнце скрылось за домами, вся площадь перед собором была уже освещена огоньками свечей, горевших на каждом столике. Жан Филипп прошелся между столами, чтобы убедиться, что все гости чувствуют себя прекрасно и наслаждаются мероприятием. Он приостановился, чтобы перебраться несколькими словами с Шанталей, и на долю мгновения она заметила в его глазах тревогу.

– Все в порядке? – тихо спросила она, когда он наклонился к ней, чтобы поцеловать в щеку.

– Я позвоню тебе завтра, – ответил Жан Филипп так же негромко, чтобы больше никто из гостей не услышал этих слов. – Не волнуйся, я со всем справлюсь.

Она кивнула, всегда готовая прийти на помощь другу в тот момент, когда ему потребовалась бы ее поддержка, пусть даже во время дружеского ужина, когда надо было вовремя отпустить реплику или засмеяться в ответ на чью-то шутку.

Жан Филипп направился к другим гостям, краем уха услышав, что у Грегорио зазвонил мобильный телефон. Грегорио ответил по-итальянски, но тут же перешел на английский, поскольку Бенедетта бросила на него обеспокоенный взгляд. Он поспешно встал и отошел, чтобы продолжить разговор, а Бенедетта присоединилась к шутливой перепалке между Дхарамом и Шанталей, стараясь выглядеть беспечной.

Однако наблюдательная Шанталь заметила боль в ее глазах. Она подозревала, что причиной этого стало последнее увлечение Грегорио. Тот отсутствовал уже довольно долго, и Дхарам изящно втянул Бенедетту в разговор. Он старался уговорить обеих женщин побывать в Индии и посетить исторические места, которые им непременно следовало бы осмотреть, среди них

был и Удайпур³, с его храмами и дворцами, который, по его словам, был самым романтичным местом в мире. Шанталь не сказала ему, что ей не с кем поехать туда, поскольку это прозвучало бы излишне патетично. А он был ошеломлен, узнав о том, что Бенедетта вообще никогда не бывала в Индии. Дхарам до краев наполнил вином три бокала, все еще пытаясь уговорить их обеих отправиться в далекую Индию, но тут Грегорио вернулся к столу после получасового телефонного разговора и, отвечая на тревожный взгляд жены, сказал несколько непонятных слов по-итальянски.

Напускная безмятежность вмиг слетела с лица Бенедетты после сообщения мужа, что он должен срочно покинуть праздник. Он говорил негромко, так чтобы не отвлекать от беседы Шанталь и Дхарам, но те, к счастью, не обращали внимания на семейную пару.

– Сейчас? – спросила у Грегорио Бенедетта раздраженным тоном. – Разве это не может подождать?

Последние полгода атмосфера в их доме была довольно напряженной, но ей вовсе не хотелось, чтобы все эти трудности вторгались в ее жизнь в тот момент, когда она проводила время с друзьями, в особенности нынешним вечером. Впрочем, ей было прекрасно известно, что кот, которого, как говорится, в мешке не утаишь, какое-то время тому назад уже выбрался из своего мешка и теперь вовсю гуляет по страницам таблоидов. Однако друзья держались с ней достаточно тактично, ни словом ни намеком не упоминая о недвусмысленной ситуации в семье.

– Нет, это не может подождать, – односложно ответил Грегорио.

В течение последних восьми месяцев у него был роман с двадцатитрехлетней русской моделью, причем девушка оказалась настолько глупа, что полгода назад забеременела от него, причем двойней, но делать аборт отказалась наотрез. У Грегорио было множество и других интрижек на стороне, но никаких детей от этих романов не появлялось. Учитывая же неспособность Бенедетты к зачатию, факт беременности любовницы Грегорио был для Бенедетты чрезвычайно болезнен. Это был самый тяжелый год в ее жизни. Грегорио уверял жену, что произошло досадное недоразумение и он не любит Анечку, обещал, что, как только она родит, он распрощается с ней. Но Бенедетта сомневалась, что девушка будет готова расстаться с ним. Три месяца назад Анна переехала в Рим, чтобы быть ближе к любовнику, и в течение этого времени моталась между двумя городами. Это сводило Бенедетту с ума.

– Аня рожает, – добавил Грегорио, страдая от того, что вынужден обсуждать это с женой.

Если это правда, вычислила Бенедетта, то роды преждевременные, на три месяца раньше срока.

– Она в Риме? – спросила Бенедетта безжизненным голосом.

– Нет. В Париже. – Он продолжил разговор на итальянском. – У нее было какое-то дело здесь на этой неделе. Они только что отвезли ее в госпиталь. Мне совершенно не хочется покидать тебя, но я думаю, что должен ехать. Она там совсем одна и насмерть перепугана. Тебе не нужно беспокоиться, дорогая, я исчезну по-тихому. Ты можешь сказать, что я увидел друзей у другого стола. Никто даже не поймет, что я ушел.

Разумеется, все они поймут, но хуже всего, что она сама будет знать, зачем он ушел, куда и почему. Радость праздника закончилась для Бенедетты в тот же момент. Как ни старалась, она не могла отрешиться от того обстоятельства, что у мужа будет двое детей от какой-то любовницы, а она так и останется бездетной.

Грегорио встал, не желая спорить с ней, но твердо намереваясь уйти. Как бы ни был неудачен роман, завершившийся беременностью, он не хотел оставлять девушку в больнице на

³ Удайпур – город в индийском штате Раджастан, центр одноименного округа. В прошлом – столица раджпутского княжества Мевар, известного с VIII в. В настоящее время соперничает с Джайпуром и Джодхпуром за звание главного туристического центра западной Индии.

целых три дня, охваченную паникой и в полном одиночестве. Бенедетта же принялась уверять Грегорио, что это просто уловка, чтобы вытащить его в больницу, и тревога может оказаться ложной.

– Если с ней все в порядке, пожалуйста, возвращайся, – попросила она, напрягшись всем телом.

Ему было крайне неприятно, что придется скрывать свое отсутствие, не объясняя ничего друзьям, а затем мчаться в госпиталь, испытывая противоречивые чувства.

– Я постараюсь, – хмуро произнес он, все еще разговаривая с ней по-итальянски.

Неприязненно взглянув на поникшую жену, Грегорио быстро смешался с толпой гостей и хозяев, толкавшихся между столиками в момент смены блюд. Он исчез мгновенно, будто испарился, а Бенедетта постаралась сделать вид, будто ничего особенного не произошло и она совсем не расстроена.

Шанталь и Дхарам за соседним столиком все еще увлеченно болтали, но секунду спустя Шанталь извинилась перед собеседником, чтобы приветствовать кого-то из своих знакомых. Бенедетта безуспешно пыталась привести в порядок нервы, обескураженная быстрым уходом Грегорио, когда Дхарам повернулся к ней с добродушной улыбкой.

– Ваш муж уже ушел? – осторожно спросил он, не желая излишне любопытствовать, но просто чтобы поддержать разговор.

– Да... Произошла неприятная ситуация... его приятель попал в аварию, и Грегорио отправился, чтобы помочь ему в госпитале, – ответила она, борясь со слезами и все еще пытаясь выглядеть беспечной. – Он не хотел срывать вечеринку, поэтому ушел не прощаясь.

Дхарам в свое время обратил внимание на напряженные взгляды, которыми обменялись супруги, заметил настроение Бенедетты и постарался сделать все, чтобы развлечь ее.

– Так это же чудесно! Должно быть, судьба благосклонна ко мне, – произнес он в ответ. – Я так мечтал провести этот вечер только с вами. Теперь могу не опасаться, что кто-то нам помешает. – Он широко улыбнулся и продолжил: – В столь романтической обстановке мы с вами не должны терять время, ведь ваш муж может вернуться до окончания этого волшебного вечера.

– Думаю, что он не вернется, – печально произнесла она.

– Просто идеально. Боги явно благоприветствуют мне. Так когда вы приедете в Индию, чтобы повидаться со мной?

Дхарам вроде бы шуточно поддразнивал ее, чтобы поднять настроение, однако Бенедетта влекла его куда больше, чем он осмелился бы сознаться самому себе. Он протянул ей белую розу, взятую из вазы на столе Шанталь. Бенедетта приняла цветок и улыбнулась, когда оркестр заиграл красивую мелодию на площади перед собором.

– Не угодно ли потанцевать? – спросил Дхарам.

На самом деле Бенедетте не особенно хотелось веселиться, зная, куда отправился Грегорио и что сейчас там происходит, но она не желала быть грубой с Дхарамом, поскольку он был так добр к ней. Бенедетта поднялась и отправилась за ним к танцевальному пятачку, и он держал ее в толпе за руку. Дхарам оказался отличным партнером, и, танцуя с ним, Бенедетта постепенно избавилась от печальных раздумий, которыми было заполнено ее сознание. Она искренне улыбалась, когда они вернулись к своим столикам и обнаружили там Шанталь, занятую серьезным разговором с Жаном Филиппом.

– А где же Грегорио? – спросил Жан Филипп, и Дхарам ответил за Бенедетту:

– Да я заплатил паре крепких ребят, чтобы они связали его и оттащили подальше отсюда, а я смог пообщаться с его женой.

Дхарам продолжал шутить под дружный смех гостей, и даже Бенедетта улыбнулась его версии событий. Однако Жан Филипп сразу понял, что не должен больше интересоваться причиной исчезновения друга. Один только взгляд, брошенный на лицо вновь погрузнев-

шей Бенедетты, позволил ему заметить, что между супругами произошло нечто малоприятное, а Дхарам теперь пытается отвлечь ее. Жан Филипп подумал, не поссорились ли супруги, в результате чего Грегорио покинул праздник. Если это так, то ему будет скучно без него. Впрочем, ничего не поделаешь: он уже знал от Валерии, что между супругами Мариани витает некая напряженность.

История о беременной модели давно склонялась на все лады в мире моды, и Валерия посвятила его в эту тайну несколько месяцев назад, но Жан Филипп никогда не упоминал об этом в разговоре с Грегорио или Бенедеттой. Он просто надеялся, что их брак останется незыблемым, как это случалось не раз, когда дело касалось многочисленных увлечений Грегорио. Жан Филипп был рад, что они согласились прийти на этот вечер, но все оказалось гораздо сложнее, чем он рассчитывал, особенно для Бенедетты, так что он решил не настаивать на ответе. Жан Филипп был благодарен их индийскому другу за то, что он помогал Бенедетте «сохранить лицо» и тем самым спасал вечер. Дхарам достал фотоаппарат и принялся энергично щелкать затвором, когда Жан Филипп отправился проведать остальных гостей. Похоже, каждый из них веселился от души.

Дхарам фотографировал все происходящее на празднике, чтобы потом показать своим детям. Он был искренне рад, что оказался здесь. Да и все остальные разделяли эту радость, даже Бенедетта развеселилась благодаря Дхараму, весь вечер смешившему и развлекавшему ее. Он все время подливал ей шампанское, чтобы держать ее дух на нужной высоте. Кто-то принес большую коробку вкуснейшего шоколада, которая тут же была вскрыта и щедро поделена между присутствующими, соседний столик угощал всех миндальными «макаронами» с белым трюфелем от Пьера Эрме⁴.

А в одиннадцать часов Жан Филипп раздал гостям бенгальские огни, и внезапно вся площадь озарилась, заискрилась звездчатыми огоньками. Гости – кто сидя, кто стоя – размахивали руками и смеялись, а Дхарам фотографировал это зрелище. Теперь у него имелась практически полная история Белого ужина, запечатленная на фото и видео. Шанталь была тронута, когда он сообщил, что снимал, чтобы показать празднование детям. Она не могла себе даже представить, что может послать фотографии этого вечера своим детям. Все они были весьма прагматичны, совершенно не интересовались, чем занимается их мать, а то и могли посчитать ее поступок нелепым, если бы ей вдруг вздумалось отправить им фотографии Белого ужина. В результате она очень мало рассказывала им о том, как живет, да они почти и не спрашивали ее об этом. Подобные вопросы попросту не приходили им в голову. С куда большей энергией они занимались своими делами, и отнюдь не из-за какой-то обиды, а просто не считали ее личностью, которая может вести жизнь, интересную для них. Тем временем Дхарам показывал всем присутствующим фотографии, которые собирался послать дочери и сыну, уверенно полагая, что они придут от них в восторг.

Празднество было в полном разгаре. Люди начали бродить от стола к столу и еще активнее общаться с другими гостями.

Шанталь повернулась, чтобы поздороваться с оператором, которого знала по работе в Бразилии, и увидела еще одного сценариста, сидевшего за столиком позади нее, весьма симпатичного молодого человека. Оператор и сценарист сортировали бумажные фонарики, которые доставали из большой картонной коробки. Один из мужчин за столом показывал всем, как надо обращаться с ними. Он дал несколько таких фонариков и гостям Жана Филиппа. На доньшке у фонариков имелась небольшая горелка, поджигаемая спичкой. Горелка зажигалась, и бумажный фонарик наполнялся горячим воздухом. Когда фонарик был полностью надут, его поднимали высоко над головой и отпускали в полет, а горелка внутри еще очень долго не гасла. Гости следили за их полетом в ночном небе. Зрелище освещенных изнутри огоньками

⁴ Эрме Пьер – знаменитый парижский кондитер, снискавший славу благодаря своим пирожным «макарон».

и несомых ночным ветром фонариков было чудесным, и гости вокруг восторгались, собственноручно зажигая горелки.

Человек, раздававший фонарики, советовал загадать желание, прежде чем зажигать горелку. Вид плывущих в небе огоньков был великолепен, и Шанталь зачарованно следила за ними. Дхарам снимал это все на видео, а потом помогал Бенедетте зажигать ее фонарики.

– Надеюсь, вы загадали желание? – спросил Дхарам, когда их фонарик взмыл вверх.

Бенедетта лишь кивнула в ответ, не говоря о сути своего желания из суеверной боязни, что оно не исполнится. Загадала же она то, чтобы ее брак вернулся к тому состоянию, каким был до появления в их жизни Анны.

Другие гости были тоже заняты своими фонариками, когда человек, раздававший их и помогавший всем, повернулся к Шанталь. Их взгляды встретились и застыли на несколько секунд. Это был привлекательный мужчина в белых джинсах и белом свитере, с впечатляющей гривой темных волос, и выглядел он примерно на возраст Жана Филиппа – лет под сорок. Девушки за его столом блистали красотой и были значительно моложе его – лет по двадцать, как и дочка Шанталь.

Мужчина обратился непосредственно к ней, не отрывая взгляда от ее лица:

– А вы пустили в небо хотя бы один?

Шанталь отрицательно покачала головой. Она была слишком занята наблюдением за тем, как Дхарам и Бенедетта пускают в полет свои фонарики.

Тогда мужчина подошел к Шанталь, держа в руках один из фонариков, зажег для нее горелку, и они подождали, пока купол наполнится теплым воздухом. Незнакомец сказал, что это последний фонарик. Шанталь показалось, что он наполнился и стал рваться из рук куда быстрее, чем все предыдущие. Она удивилась жару, исходящему от такого маленького пламени.

– Возьмите его, загадайте желание, а потом отпустим его вместе по моей команде, – быстро произнес он ей, и она послушно сделала так, как было велено. Когда фонарик был готов взвиться в небо, он повернулся к ней, пронзая ее взглядом. – Вы загадали желание?

Шанталь кивнула. Они одновременно разжали пальцы, и фонарик рванул в небо подобно ракете, направляющейся к звездам. Задрав голову, Шанталь смотрела на это зрелище словно ребенок, в полном восторге провожающий взглядом аэростат. Незнакомец стоял рядом с ней, не отрывая глаз от уносящегося вверх фонарика. Они еще долго могли видеть огонек, горящий у основания, когда же он пропал из виду, мужчина с улыбкой повернулся к Шанталь:

– Должно быть, это достаточно сильное желание – оно ушло прямо на небеса.

– Надеюсь, что это так, – ответила она, улыбнувшись в ответ. «Такие чудесные моменты не забываются никогда», – подумала Шанталь. Да и весь вечер прошел столь же славно. Белый ужин всегда оправдывал ожидания участников. – Благодарю вас. Это было невероятно красиво. Спасибо, что сделали это вместе со мной и дали мне последний из ваших волшебных фонариков.

Незнакомец кивнул и направился к своим друзьям, а чуть позже Шанталь опять поймала его взгляд, направленный на нее, и они улыбнулись друг другу. Он сидел рядом с красивой юной девушкой, а напротив него расположилась очаровательная женщина.

Время бежало незаметно для всех, и в половине первого ночи Жан Филипп напомнил гостям, что праздник заканчивается и наступило время уборки. Очень скоро Золушки покинут бал. Появились приготовленные заранее белые мешки для мусора, куда отправлялось все предназначенное на выброс. Остальное же укладывалось в тележки, в которых было привезено: серебряные столовые приборы, вазы для цветов, бокалы, оставшиеся вино и еда. Буквально в течение нескольких минут все следы праздника исчезли, скатерти, столы и стулья были сложены, от вытянувшихся в линию элегантно накрытых столов не осталось и следа. Семь тысяч

гостей, собравшихся возле собора, тихо покинули площадь, бросив через плечо последний взгляд на то место, где только что совершалось волшебство.

Шанталь снова подумала о прекрасных фонариках, пробивавших своими горелками дорогу в небо, а потом бросила взгляд туда, где совсем недавно стоял стол, за которым сидел тот незнакомец. Но это место уже пустовало и было прибрано. Фонарики к этому времени уже исчезли, унесенные ночным ветром туда, где случайные прохожие смогут полюбоваться ими и удивиться: откуда они появились?

Жан Филипп сновал среди гостей, чтобы убедиться, что все смогут с удобством добраться до дому. Шанталь собиралась взять такси. Дхарам предложил Бенедетте подбросить ее до отеля, в котором они оба снимали номера. Остальные гости уже почти все разъехались. Жан Филипп еще раз пообещал Шанталь позвонить утром и пригласил на завтрак, а она горячо поблагодарила его за этот незабываемый ужин. Белый ужин был не только для нее любимым событием года, но и для всех остальных, которым посчастливилось получить приглашение. А с прекрасными бумажными фонариками, медленно поднимающимися в темное небо, Белый ужин останется в памяти всех присутствовавших гостей.

– Я чудесно провела время, – сказала Шанталь Жану Филиппу, целуя его при расставании.

Жан Филипп усадил ее в такси, уложил туда тележку, складной стол и стулья и попросил водителя помочь ей при выгрузке.

– Да, вечер удался, – сказал Жан Филипп, глядя ей вслед, когда такси тронулось с места, а Валерия помахала подруге рукой, поскольку была занята укладкой своего багажа.

Дхарам и Бенедетта в одном такси отправились в отель «Георг V». Остальные гости рассаживались в свои машины или такси, а то и направлялись пешком к ближайшей станции метро.

По дороге домой Шанталь рассеянно смотрела из окна на ночные улицы. Внезапно ей стало любопытно: сбудется ли ее желание. Она так надеялась на это, но даже если бы чуда не случилось, ужин был безупречным и незабываемым, поэтому улыбка замерла на ее губах.

Глава 2

Дхарам проявил себя истинным джентльменом, провожая Бенедетту до ее номера: нес ее складные стулья и стол, пока она катила за собой тележку с остальным добром. Украшения для стола она купила в Италии, а тарелки и серебряные приборы одолжила в отеле. Дхарам предложил ей еще немного выпить внизу в баре, но Бенедетта стремилась как можно скорее оказаться в своей комнате, чтобы дожидаться звонка от Грегорио, поскольку столь серьезный разговор не хотелось вести при посторонних.

Бенедетта отказала Дхараму под предлогом того, что устала, и он все прекрасно понял. Сказал, что провел восхитительный вечер и обязательно перешлет ей фотографии и видео, как только получит ее электронный адрес от Жана Филиппа. Дхарам заметил, что сейчас, по окончании этого мероприятия, она очень напряжена и никак не может отвлечься от своих невеселых мыслей. Было вполне понятно, что произошло нечто неприятное между ней и мужем, в результате чего он и позволил себе так внезапно покинуть их. И точно так же было понятно, что женщина расстроена этим. Бенедетта снова поблагодарила его за помощь и любезность в течение Белого ужина и пожелала спокойной ночи.

Едва оказавшись в своем номере, Бенедетта без сил упала на кровать и первым делом проверила мобильный телефон, но там не оказалось ни текстовых, ни голосовых сообщений. Через некоторое время она еще несколько раз проверяла телефон, но так ничего от своего мужа и не дождалась. Сама же она не хотела ему звонить, чтобы не застать Грегорио в какой-нибудь неловкой ситуации, когда он не сможет говорить с ней открыто. И только в три часа ночи она легла спать, так и не получив вестей от мужа.

Грегорио появился в госпитале за несколько минут до десяти часов вечера. К этому времени Аню уже перевели в палату родильного отделения. Когда он стремительно вошел в палату, роженицу осматривали двое докторов. Аня лежала постанывая на кровати и, едва увидев Грегорио, протянула к нему дрожащие руки. Роды, собственно, уже начались, зев матки еще не начал раскрываться, но схватки шли постоянные и сильные, и внутривенное вливание магния не могло их остановить.

Доктора считали, что на этой стадии беременности оба плода были еще слишком маленькими и неразвитыми, так что шанс на благополучный исход незначительный. Аня впала в истерику, когда ей сказали об угрозе для жизни близнецов.

– Наши дети могут умереть! – буквально провыла она, когда Грегорио взял ее руки в свои.

Такого развития событий Грегорио не ожидал. Он бы предпочел, чтобы все прошло гладко и в свое время, тогда он мог бы изящно исчезнуть из Аниной жизни, финансово поддерживая ее и близнецов. Он вовсе не хотел, чтобы она родила двойню, да и вообще беременела. Какая-то случайность, нелепая ирония судьбы привела его к ситуации, в которой он никогда ранее не бывал и не стремился оказаться. А теперь все оборачивалось куда худшим образом.

Акушер не скрывал от них, что дети могут родиться мертвыми или сильно пострадать во время родов, так что Грегорио придется иметь дело с возможной трагедией, а не только с нежелательным рождением. Вдобавок ко всему он еще беспокоился и о своей жене. Грегорио не мог оставить Аню на сколько-нибудь долгое время, чтобы позвонить Бенедетте и успокоить ее, хотя прекрасно представлял себе состояние, в котором пребывала жена. Раньше Бенедетта была снисходительна ко всем его «шалостям», но сейчас все обстояло куда более серьезно. Ни одна его любовница никогда от него не беременела, а теперь он мог стать отцом двоих совершенно нежеланных детей, рожденных девушкой, которую едва знал и которая просила его оставить жену ради нее самой, что было просто невозможно. Грегорио никогда не вводил в заблуждение ни одну из женщин, с которыми заводил романы, и всегда сообщал им, что обо-

жает свою жену. К тому же ни одна из них никогда не просила его развестись и не претендовала на брак с ним. Но как только Аня забеременела, она тут же стала во всем зависеть от него, буквально как ребенок, а у Грегорио просто не хватало духу противостоять ей. Для него это были шесть кошмарных месяцев, будущее виделось весьма туманно, а теперь, когда доктора описали ему все перспективы, и вовсе превращалось в полный ужас.

Грегорио жалел Аню, рыдавшую в его объятиях, но он не любил ее и не испытывал никаких чувств к тем существам, которые должны появиться на свет. Но они находились в ситуации, из которой не было выхода. А выход непременно нужно было найти. В свои двадцать три года Ане одной ни за что не справиться, а ведь она по своему физическому и умственному развитию оставалась шестнадцатилетней. Сейчас девушка прижималась к нему как дитя, и Грегорио, потрясенный до глубины души, не мог оторваться от нее.

Схватки возобновились около полуночи и стали сильнее, а чуть позже зев матки стал раскрываться. Врачи влили Ане внутривенно стероиды, чтобы обеспечить детям дыхание, когда они появятся на свет, но об этом было еще слишком рано говорить, и в четыре часа утра акушеры сообщили родителям, что маловероятно ее разрешение от бремени.

Особая бригада по спасению новорожденных была вызвана для работы с Анной, и пока ее состояние тщательно отслеживалось различными приборами, роды начались всерьез. Однако вместо радости ожидания новой жизни, которая обычно ассоциируется с родами, в палате повисло ощущение тревоги за роженицу и близнецов, если они все-таки выживут. Как бы ни пошло дело, все понимали, что добром оно не кончится.

Аня была насмерть перепугана и вскрикивала от малейшей боли. Доктора не давали ей больше никаких средств, которые снизили бы интенсивность схваток, чтобы не рисковать детьми, но постоянно проводили эпидуральную анестезию⁵. Для Грегорио все это выглядело жестоко. Из тела Ани во все стороны торчали трубки, мерцали мониторы, вокруг суетилась бригада медиков. Зев матки полностью раскрылся, и врачи сказали, что она может тужиться.

Грегорио был обескуражен видом всего происходящего, но стойко держался рядом с Аней. В конце концов он совершенно забыл про жену, все его мысли были об этой несчастной девушке, припавшей к нему и жалобно стонавшей в перерывах между потугами. В своем состоянии она уже совершенно не напоминала ту супермодель, какой была прежде. Ничего не осталось от той яркой красавицы, с которой он некогда познакомился ради очередной интрижки.

Их сын родился первым, в шесть часов утра. Появившемуся на свет синюшному, хрупкому недоразвитому младенцу пришлось напрячь все силы, чтобы сделать свой первый вдох. Едва только ему перерезали пуповину, два доктора и медсестра переложили его в кювету для недоношенных детей и откатали к стене. В маске, в которую подавался чистый кислород, малыш начал бороться за свою жизнь. Спустя час после рождения сердце его остановилось, но доктора оживили его, после чего сказали Грегорио, что шансы малыша на выживание невелики.

Когда Грегорио слушал то, что ему говорили, слезы катились по его щекам. Он никак не ожидал, что процесс появления на свет его первенца так потрясет его, вызовет такие душераздирающие эмоции. Ребенок выглядел как существо из другого мира, его широко раскрытые глаза словно молили о помощи. Грегорио не мог прекратить плакать, глядя на него, а Аня тем временем вся сотрясалась от боли.

Крохотная девочка появилась двадцать минут спустя, будучи несколько крупнее брата и с более сильным сердечком. Каждый из близнецов весил менее килограмма. Легкие девочки были в столь же недоразвитом состоянии, как и у брата. Малышке надели на личико кислородную маску, и другая медицинская бригада занялась ее спасением.

⁵ Один из методов анестезии, при котором лекарственные препараты вводятся в эпидуральное пространство позвоночника через катетер.

После рождения второго близнеца у Ани открылось сильное кровотечение, потребовалось время для его остановки, а затем еще и два переливания крови, а Грегорию оставалось только смотреть, как серело ее лицо. Наконец врачи милосердно дали ей какое-то снотворное, а потом обе бригады неонатологов снова предупредили отца, что дети могут не выжить. Малыши находились в критическом состоянии, и должно пройти немало времени, пока они окажутся в относительной безопасности, если вообще останутся в живых. Следующие несколько дней покажут, можно ли надеяться на лучшее.

Пока доктора объясняли ситуацию Грегорию, Аня погрузилась в глубокий сон. Грегорию подошел посмотреть на новорожденных в кюветках и снова расплакался – так был тронут видом хрупких существ, своих детей. Ночь выдалась тяжелой и для него, а худшее еще предстояло. Грегорию не знал, что теперь ему сказать Бенедетте. Все пережитое по своей интенсивности превосходило то, с чем ему приходилось сталкиваться ранее. Если прежде он считал, что все как-то может уладиться, то теперь стало ясно, что этого не произойдет.

Медсестра сказала Грегорию, что Аня будет спать несколько часов после укола снотворного, и тогда он понял, что у него появилась возможность поехать в отель. Было уже восемь часов утра, а он не звонил Бенедетте всю ночь. Когда Аня проснется, он не сможет отойти от нее. В Европе у нее не было родственников, только где-то в России проживала мать, которую она не видела годами, и ни одного человека, который мог бы помочь ей. Оставался только он, Грегорию. Да еще надо было позаботиться о детях. Он почувствовал, что привязался к ним, и эта мысль поразила его в самое сердце.

Приехав в отель на такси, Грегорию вошел в вестибюль «Георга V», ощущая, будто вернулся домой с другой планеты. Все вокруг выглядело совершенно нормальным, как и тогда, вчерашним вечером, когда они отправлялись на Белый ужин. Казалось странным видеть вокруг себя самую обычную жизнь. Люди спешили на деловые встречи, направлялись на завтрак, пересекали вестибюль, регистрировались у стойки портье. Грегорию прошел в свой номер, где обнаружил Бенедетту за столом, обхватившую голову руками и глядящую на мобильный телефон. Пребывая в отчаянии, она провела без сна почти всю ночь. На Грегорию была все еще та одежда, в которой он ездил на Белый ужин, и он вдруг заметил кровавые пятна на белых туфлях. При воспоминании о том, как появилась эта кровь, у него к горлу подступила тошнота. Когда Аня рожала, там все было в крови.

– Извини, что не мог позвонить тебе ночью, – произнес Грегорию безжизненным голосом, закрыв за собой дверь.

Бенедетта повернула к нему голову, готовая выплеснуть весь гнев, скопившийся за долгие часы, проведенные в неизвестности, но осеклась, увидев выражение его глаз.

– Что случилось? – выдохнула она.

– Два часа назад закончились роды. Они могут не выжить. Это было самое ужасное зрелище, которое мне довелось увидеть в своей жизни. К сожалению, роды начались преждевременно, ей нужно было доходить еще три месяца. Врачи делали все возможное, но они даже не успели провести полное обследование и подготовиться к родам. А каждый из детей весит меньше килограмма.

Грегорию говорил так, словно рожал вместе с Аней, начисто забыв в тот момент о существовании жены.

– Что собираешься делать? – спросила она, прерывисто вздохнув.

Теперь у него появилось двое внебрачных детей, и невозможно было не заметить, что он беспокоится за них. Нет, не такого завершения очередной интрижки ожидала Бенедетта.

– Я должен вернуться. У нее больше никого нет. И я не могу просто уйти от них. Они борются за жизнь и могут умереть в любую минуту. Мне необходимо быть там, рядом с ней и детьми.

Это прозвучало на удивление благородно. Бенедетта молча кивнула, не в силах произнести ни слова. Она чувствовала, что для Грегорио сейчас нет ничего важнее, чем то, что происходило там, в родовой палате. Это был самый тяжелый день в ее жизни.

– Я попозже позвоню тебе и сообщу, как дела, – на ходу бросил ей муж.

Разговаривая, он доставал свою одежду из шкафа и быстро переодевался. У него не было времени принять душ или хотя бы перекусить – не терпелось побыстрее вернуться обратно.

– Я должна ждать здесь? – спросила Бенедетта бесцветным голосом.

– Не знаю. Я позвоню и скажу тебе позже. – Грегорио взглянул на часы: пора ехать в больницу, – переложил бумажник в карман брюк и печально посмотрел на Бенедетту. – Мне очень жаль, что так получилось. Поверь, это в самом деле так. Обещаю, мы выкарабкаемся из этой ситуации. Я что-нибудь обязательно придумаю. Ради тебя.

Бенедетта с трудом сдерживала рыдания, не понимая, что именно он может придумать.

Грегорио подошел, чтобы поцеловать ее, но она резко отвернулась. Впервые в их совместной жизни ей не хотелось смотреть ему в глаза. Она всегда прощала мужу его выходки, но разве можно простить такое?

– Я позвоню, – повторил он хрипло, поспешно выходя из комнаты.

И как только он вышел, слезы у нее хлынули потоком. Она бросилась на кровать и рыдала до тех пор, пока не заснула.

К этому времени Грегорио уже был в госпитале и, сидя между двумя кюветами, безотрывно смотрел на своих новорожденных детей, борющихся за жизнь, на армию медиков, хлопотавших вокруг них, и на катетеры, торчавшие из крошечных тел.

Спустя час он вошел в палату Ани, поскольку врачи сказали, что она уже проснулась, и провел с ней целый день, утешая ее, а когда удавалось выйти на несколько минут, то тут же снова отправлялся к детям. Было уже около шести часов, когда он вспомнил, что обещал позвонить Бенедетте, но ни ее мобильный телефон, ни телефон в номере отеля не отвечали.

Бенедетта решила немного проветриться, но на выходе из отеля встретила с Дхарамом. Волосы ее были собраны на затылке в хвост, выглядела она опустошенной. Дхарам сразу же почувствовал жалость к ней, но постарался не показывать этого. Он галантно придержал дверь для Бенедетты и сказал пару ничего не значащих фраз, внимательно приглядываясь к ней. Сейчас женщина была ниже, чем он помнил, но он сообразил, что накануне вечером она была в туфлях на высоких каблуках. Странно. На Белом ужине она вела себя сдержанно и независимо, а теперь он видел перед собой хрупкую женщину с грустными глазами, которые казались огромными на осунувшемся лице.

– С вами все в порядке? – осторожно спросил Дхарам.

Ему не хотелось быть навязчивым, но беспокойство за нее взяло верх. Она выглядела так, словно произошло нечто ужасное. Не связано ли это с внезапным уходом ее мужа вчерашним вечером? В отличие от Жана Филиппа и Валерии он ничего не знал о мире моды, гулявших там сплетнях и похождениях Грегорио с русской моделью.

– Я... да... нет... – Она принялась было выдумывать какую-то ерунду, но эмоции вновь захлестнули ее, слезы хлынули из глаз, и слова застряли в горле. Немного помолчав, она сказала: – Простите меня. Я просто вышла на улицу, чтобы подышать свежим воздухом.

– Вы предпочитаете гулять в обществе или хотите побыть одна?

– Я не знаю...

Ему претила мысль позволить ей остаться одной. Она думала о чем-то своем и была так погружена в эти неприятные мысли, что было страшно оставлять ее на улице в таком состоянии.

– Могу я сопровождать вас? Мы вполне можем обойтись без разговоров. Мне кажется, вам сейчас не следует гулять в одиночестве.

– Благодарю вас.

Бенедетта кивнула, и он молча пошел рядом с ней. Они миновали несколько кварталов, прежде чем она тряхнула головой и, беспомощно взглянув на него, внезапно заговорила:

– Некоторое время назад мой муж закрутил роман с одной из моделей. Такое случалось и раньше, но он всегда быстро приходил в себя и завершал интригу. Однако на этот раз девушка забеременела, причем близнецами. Сегодня утром она родила, не дожив трех месяцев. И теперь мой муж втянут в драму, связанную с двумя малышами, которые могут умереть в любую минуту, и с молодой женщиной, которой он необходим. К тому же это его единственные дети. Своих у нас нет. Все невероятно запутано, и я понятия не имею, как мы из всего этого выберемся. Ко всему прочему, это может тянуться месяцами. Я не знаю, что делать. Сейчас он с ней в госпитале...

По мере того как она говорила, слезы продолжали катиться по щекам, но Дхарам оставался спокойным, хотя услышанное поразило его.

– Возможно, вам следует вернуться домой, – негромко произнес он. – Это, пожалуй, куда лучше, чем сидеть, ожидая новостей, в своем номере, совсем одной. Привычная домашняя обстановка позволит вам взглянуть на события несколько со стороны. Вы не можете разобраться во всем прямо сейчас.

Совет Дхарамы имел смысл. С этой драмой положений должен был в первую очередь управиться Грегорио, но не она, по крайней мере не сейчас. Прежде всего он должен выяснить, выживут ли дети. После этого они смогут обсудить, как им поступать дальше и что делать с их браком.

– Я думаю, вы правы, – с сожалением произнесла Бенедетта. – Все это и в самом деле ужасно. К тому же все об этом знают. Их роман обсуждали на страницах всех газет Италии. Папарацци делали ее фотографии каждый день с тех пор, когда она переехала в Рим. Грегорио никогда так глубоко не увязал в подобных историях и столь публично, – добавила она, пытаясь сохранить лояльность к мужу, хотя и не могла понять зачем. – Думаю, мне лучше вернуться в Милан.

– Там есть люди, способные поддержать вас в таком положении? – спросил он, беспокоясь за нее, и она кивнула.

– Моя семья, да и его тоже. Все сердиты на Грегорио за то, что он влип в столь некрасивую историю. Я тоже весьма... огорчена.

Бенедетта вскинула на Дхараму полные боли глаза, и он не мог не порадоваться, что она не будет в одиночестве, когда вернется домой.

– Это меня не удивляет. Говорили, что вы были весьма снисходительны к изменам мужа.

– Я думала, что и эта интрижка со временем сойдет на нет, но такого не случилось. По крайней мере вплоть до сегодняшнего дня, до всей этой драмы с недоношенными младенцами, я надеялась на лучший исход, но теперь не вижу, как все это можно уладить. Мне жаль мужа, но и себя тоже жаль, – призналась она.

– Похоже на то, что история эта слишком громкая и забудется не скоро, – согласился с ней Дхарам. – Могу ли я время от времени звонить вам, чтобы справиться, как все идет, просто как друг? Я хотел бы быть уверенным, что с вами все в порядке.

– Благодарю вас. – Ей было невероятно неловко рассказывать ему о своих проблемах, но Дхарам вел себя очень деликатно. – Сожалею, что вам пришлось услышать эту мерзкую историю.

– Из таких историй и складывается подлинная жизнь, – сочувственно произнес Дхарам, однако шокированным не выглядел. – Люди иногда по собственной вине попадают в неприятнейшие ситуации. Пятнадцать лет назад меня оставила жена ради другого человека: об этом судачили все газеты, – причем не абы к кому, а к известному индийскому актеру. Все недоумевали, а меня лишь возмущало, что моя частная жизнь полощется на газетных страницах.

Но постепенно все сошло на нет, и люди забыли про это. Мои дети остались со мной, ко всеобщему удовлетворению. – Он улыбнулся. – Вы сильная женщина и справитесь. Вы сможете это пережить, а вскоре и вовсе забудете о том, что случилось. Кстати, муж говорил вам, что намерен жениться на ней?

– Нет, этого он не говорил, – тихо произнесла Бенедетта, чувствуя себя гораздо лучше после разговора с Дхарамом.

Она была рада тому, что встретила с ним. Довольно унижительно рассказывать почти незнакомому человеку о своих проблемах, но Дхарам отнесся к ней с таким участием, с такой добротой. Его поддержка помогла ей почувствовать перспективу на благополучный исход.

– Мне казалось, что это простая интрижка, которая вскоре закончится. Но теперь он, похоже, вляпался серьезно.

– Я бы тоже так сказал, – отозвался Дхарам, криво усмехнувшись, и Бенедетта улыбнулась.

Еще час назад она не могла представить себя улыбающейся, а ведь это гораздо лучше, чем проливать слезы в номере. Будучи на ее стороне, Дхарам мог объективно оценить ситуацию. Она была невинной жертвой в этой истории, и теперь ей предстояло хорошенько все обдумать и решить, стоит ли подать на развод, или же она сможет простить Грегорию, как прощала раньше...

Когда они медленно шли обратно к отелю, Дхарам сказал, что хотел бы в следующий понедельник улететь в Лондон, чтобы спустя несколько дней оказаться в Дели.

– Дайте мне знать, что вы намерены делать, – добавил он, когда они оказались среди изобилия розовых и пурпурных орхидей, окруживших их в вестибюле отеля «Георг V». – Я бы хотел знать, когда вы отправитесь обратно в Милан.

Она кивнула в знак согласия, поблагодарила его за доброту и заботу и снова извинилась за то, что поделилась с ним своими проблемами.

– Но ведь для этого друзья и существуют, даже недавно приобретенные, – сказал он с теплой улыбкой. – Позвоните мне, если вам понадобится моя помощь.

Дхарам протянул ей визитную карточку, и Бенедетта снова поблагодарила его, пряча ее в карман.

У него были планы поужинать в этот вечер в ресторане, и ему даже пришла мысль пригласить и ее, но он заподозрил, что она слишком расстроена, чтобы поехать с ним.

Дхарам нежно обнял Бенедетту, прощаясь с ней, и через несколько минут вышел на улицу, где его уже ждал автомобиль, чтобы отвезти в ресторан. Мысли о Бенедетте не покидали его. Ему было жаль эту прекрасную женщину, не заслуживающую, чтобы с ней так поступили. Оставалось надеяться, что вся ситуация вскоре разрешится. И еще он был очень рад, что познакомился с ней прошлым вечером.

Бенедетта поднялась в свой номер, легла на кровать, а спустя несколько минут позвонил Грегорию. Голос его звучал тревожно и отрывисто, и он предупредил, что не может долго говорить. Муж сообщил ей, что дети все еще в тяжелом состоянии, но живы, однако Аня все время пребывает в истерике. Грегорию также сказал, что не сможет этим вечером вернуться в отель, поскольку жизнь детей висит на волоске. Слушая его, Бенедетта закрыла глаза. Куда подевался ее любящий муж? Сейчас он говорил только о состоянии здоровья своих детей, и ничто на свете не могло отвлечь его от этой темы.

– Я собираюсь следующим утром вернуться в Милан, – сказала Бенедетта. – Не вижу смысла сидеть в номере и ждать от тебя известий.

Голос ее звучал грустно, но гораздо холоднее, чем ожидал Грегорию. В отличие от него она не потеряла контроль над собой. По крайней мере, оставалась благоразумной и рассудительной, как он понял по ее тону.

Грегорио не мог и представить, какая паника охватила ее, когда он сказал, что не может оставить Аню и детей одних в Париже! Оказалось, что его пребывание здесь может продлиться долгое время, поскольку он будет заниматься здоровьем детей. Врачи сказали, что если младенцы выживут, то останутся в больнице по меньшей мере на три месяца, до положенного срока их рождения. Совладав с собой, Бенедетта даже не стала спрашивать, намеревается ли он возвращаться в Милан.

– Я позвоню тебе и сообщу, что здесь происходит, – произнес он мрачным тоном. Известие о желании жены вернуться домой принесло Грегорио облегчение, поскольку полностью снимало с него обязанность заботиться еще и о ней. – Прости меня, Бенедетта, я не ожидал, что все обернется таким образом.

Ну что можно ответить на это? Бенедетта предпочла промолчать. Их жизнь дала трещину. Трудно было представить, что их семейные отношения останутся такими же, какими были раньше, но понимает ли это Грегорио? Вряд ли. Все, о чем он мог думать сейчас, – это Аня и двое их малышей в кюветках. О ней, Бенедетте, он вообще не думал.

Закончив разговор, Бенедетта упаковала чемодан и заказала ужин в номер, поскольку не ела весь день, а также забронировала билет до Милана на следующий день. Консьерж спросил, полетит ли мистер Мариани вместе с ней, и она ответила отрицательно.

Младенцы ночь пережили. Грегорио спал в кресле, поставленном между их кюветками. Он сразу же влюбился в этих двух крохотных и абсолютно беспомощных существ, но сейчас ему оставалось только молиться, чтобы они выжили. Он совершенно неожиданно стал отцом, сердце его еще никогда не было так заполнено сразу и любовью и болью. Благополучие малышей стало теперь единственным, о чем он мог думать. И когда он смотрел на них, слезы счастья и жалости катились по его щекам.

Грегорио и Аня сидели возле кюветок часами, держась за руки, и впервые он осознал, что влюбился в нее так, как никогда не влюблялся ранее. Аня преподнесла ему величайший подарок в жизни. Этого он никогда не делил с Бенедеттой. Его сердце было теперь здесь, а Аня внезапно приобрела новую роль в его судьбе, стала едва ли не святой для него – матерью его детей. Она превратилась из молодой девушки, которую он вовлек в сомнительные развлечения, в полную достоинства женщину, жизненно ему необходимую.

Ночи они проводили, прильнув друг к другу, как опустошенные родители, молящиеся за выживание своих детей. Этой ночью Аня уснула под гудение кюветок и попискивание мониторов, и, когда голова ее покоилась на плече Грегорио, последняя мысль в его сознании, перед тем как погрузиться в сон, была о Бенедетте. Сейчас, по крайней мере в той вселенской любви, в которой он внезапно оказался, жена перестала существовать. Его любимой была теперь Аня, мать его детей.

Глава 3

Как и обещал, Жан Филипп позвонил Шанталь утром после Белого ужина. Весь вечер накануне он был занят со своими гостями и не мог уделить много времени разговору с ней. Как и всегда, он хотел быть уверен, что каждый из гостей получил удовольствие, что вечер прошел интересно для всех. И очень расстроился, узнав, что Грегорио покинул вечер: счел это недостойным поступком. Но все оказалось не так плохо: Бенедетту взял под свое крыло Дхарам, даже танцевал с ней, – так что она в любом случае неплохо провела время.

Жан Филипп всегда беспокоился о своих гостях и хотел быть уверенным, что о каждом из них была проявлена забота. И он видел, как Шанталь приветствовала нескольких человек, которых знала, сидевших за соседними столами, да и других, обративших на нее внимание. Жан Филипп надеялся, что Дхарам, будучи столь интересной и тактичной личностью, привлечет ее и они сойдутся по духу, но оказалось, что его индийского друга куда больше притягивала Бенедетта. Шанталь была ничуть не против и не проявляла никакого романтического интереса к Дхараму. Искра, которой случалось проскакивать между мужчинами и женщинами, была вещью эфемерной и неуловимой, она либо возникала, либо нет, – и вспыхнула она как раз между Бенедеттой и Дхарамом.

– Какой чудесный вечер, – восторженно произнесла Шанталь, услышав голос друга по телефону. – Спасибо тебе, что вписал меня в число гостей. Думаю, это был один из лучших Белых ужинов. А фонарики под конец вечера сделали его просто очаровательным. Было так приятно смотреть на людей, которые любовались фонариками вместе с нами.

Жан Филипп согласился с ней, а затем завел разговор о неожиданном уходе Грегорио:

– Должно быть, его бегство имеет какое-то отношение к той девушке, с которой он сейчас в связи. Мне не хотелось спрашивать об этом Бенедетту. Она воспринимает все это очень болезненно. Валерия как-то упоминала, что об интрижке Грегорио с супермоделью много писали в прессе. Похоже, в этот раз он действительно привязался к любовнице.

– Ты полагаешь, Грегорио может бросить жену ради нее? – спросила Шанталь, испытывая сочувствие к Бенедетте.

– Думаю, скорее будет наоборот. Должно быть, Бенедетта оставит его. Да и до этого Грегорио вряд ли можно было назвать образцовым мужем. Он чертовски привлекателен, у них громадная империя, которую они вместе построили, но когда-нибудь Бенедетте просто могут надоест его любовные похождения. Мне очень жаль ее. Вчера для нее было оскорбительно, что муж сбегает куда-то в самом начале вечера. Слава богу, рядом оказался Дхарам.

– О да, Дхарам прекрасный человек, – согласилась Шанталь.

Ей нравилось говорить об этом гениальном и очень скромном при всех своих достижениях мужчине. По словам Жана Филиппа, Дхарам закончил Массачусетский технологический институт в Штатах и стал легендой в своей стране.

– Но он отнюдь не твой тип? – спросил Жан Филипп, переходя прямо к сути дела.

Ему всегда хотелось, чтобы Шанталь встретила мужчину, который мог бы опекать и заботиться о ней. Ее работа была поистине отшельнической, и он знал, как порой ей бывает одиноко, особенно после того как ее дети разъехались по миру.

– Не думаю, что между нами могут возникнуть отношения, – ответила она искренне, – но я с удовольствием встретила бы с ним снова, просто как с другом. К тому же я, вероятно, слишком стара для него.

Дхарам был поразительно красив и элегантен, само воплощение интеллигента, и лишь на несколько лет моложе ее. Но никакой искры между ними не проскочило. Дхарам, похоже, гораздо больше заинтересовался Бенедеттой или же просто почувствовал жалость к ней и повел себя как рыцарь. Шанталь показалось, что она не привлекла его как женщина, да и ее сердце

не билось чаще при его приближении. Это все были фантазии Жана Филиппа, но не ее, так что она не разочаровалась.

Шанталь уже не рассчитывала встретить достойного мужчину. Она подозревала, что для нее это уже пройденный этап, а все подходящие кандидаты в мужья давно женаты. Французские мужчины разводились редко, даже если жили в несчастливом браке. В этом случае они просто устраивали себе «гнездышки» на стороне, что совсем не устраивало Шанталь. Теперь она не особенно стремилась обзавестись мужем, и уж совершенно точно – чужим. Это было одной из причин, почему ее любили и женщины: она всегда оставалась прямой, честной и порядочной.

– Стало быть, Дхараму не повезло. Вообще-то он отличный парень. Если ты когда-либо попадешь в Индию, он познакомит тебя со всеми ее удивительными местами. Валерия и я побывали в Дели в прошлом году и сказочно провели там время. Дхараме все любят. У него, кстати, чудесные дети того же возраста, что и твои.

Похоже, он рассчитывал как раз на это обстоятельство, когда знакомил их, думая, что они заинтересуются друг другом, однако судьба рассудила иначе. Между ними не возникло никакой любовной химии, а они оба знали, что подобное невозможно спланировать заранее.

– Ну так что, пообедаем сегодня вместе? Мне нужен твой совет.

– Относительно нового цвета обоев для гостиной или что-нибудь посерьезнее? – поддразнила она его.

Они обменивались соображениями по самым разным вопросам, и Жан Филипп высоко ценил ее мнение. За дюжину лет их дружбы он принял все ее советы, даже относительно женитьбы на Валерии семь лет назад. Шанталь всей душой поддержала эту идею, да и сейчас одобряла. Она считала их замечательной парой, и они были счастливы в браке.

– Посерьезнее, – загадочно ответил Жан Филипп.

– Деловое или личное?

– Скажу во время обеда. То же место, то же время?

Они обедали вместе довольно регулярно, по крайней мере раз в неделю, в одном и том же бистро в седьмом районе на Левом берегу, не так далеко от ее апартаментов. За годы своей дружбы они перепробовали много ресторанов, но остановились именно на этом.

– Прекрасно. Тогда до встречи, – подтвердила она.

Жан Филипп уже сидел за их любимым столиком на террасе, когда Шанталь, в красном свитере, джинсах и туфлях на низких каблуках, впорхнула в бистро и села напротив. С длинными светлыми волосами, собранными в хвост на затылке, перевязанный красной лентой, она выглядела очаровательно. Жан Филипп пришел прямо из офиса, в деловом костюме, но теперь снял галстук и сунул в карман. Жан Филипп заказал стейк, а она салат, и еще он попросил принести им по бокалу вина. Обычно он не пил вино за обедом, и этот заказ дал ей понять, что он испытывает беспокойство и напряжение.

– Так что, собственно, случилось? – спросила наконец она, не в силах противиться тревожному ожиданию.

Временами Жан Филипп поступал весьма во французском духе, выбирая длинный обходной путь вместо прямого. В последний раз Шанталь обедала с ним всего пять дней назад, и он ничего не сказал о необходимости ее совета в каком-то серьезном вопросе, так что он возник, должно быть, совсем недавно.

Жан Филипп немного помедлил, прежде чем заговорить.

– У меня проблемы, или же вскоре возникнут. Половина европейских стран в шатком положении, и никто не подумает вкладывать в них крупные суммы. Французы годами старались не показывать свои богатства из-за страха высоких налогов на большие состояния. Они старались инвестировать как можно больше за границей и скрывали свои доходы всеми сред-

ствами. Меньше всего они хотели вкладывать деньги во французские предприятия и демонстрировать высокие налоги. Они просто не верили правительству.

– Ты на грани увольнения? – Она взглянула на него с беспокойством.

Шанталь знала, что он получал неплохую зарплату в компании, занимающейся капиталовложениями, однако не располагал крупным состоянием, но должен был обеспечивать жену и троих детей и вел к тому же весьма роскошный образ жизни. Еще она знала, сколь щедр он был в отношении Валерии, как любил покупать ей дорогие безделушки и проводить свободное время на шикарных курортах. Его дети начали учиться в частных школах, семья проживала в прекрасных апартаментах в самом модном округе Парижа. Потеря работы означала серьезную проблему и значительные изменения в их жизни. У Валерии была престижная должность в журнале мод «Вог», но получала она намного меньше мужа, поскольку журнал не мог платить более высокую зарплату.

– Нет, меня вовсе не собираются увольнять. Но, будучи реалистом, я прекрасно понимаю, что никогда не смогу зарабатывать больше, чем сейчас, если только не случится переворот в экономике, но никакого переворота не предвидится. По крайней мере, в ближайшие десять лет. Я не могу жаловаться, у меня весьма приличная зарплата, но мы не можем откладывать деньги для семьи, к тому же все дорожает. Я просто боюсь смотреть вперед. Вдруг что-нибудь случится, когда дети подрастут, и я не смогу их обеспечить, если круто не изменю чего-нибудь в жизни. Последние пять лет я только про это и думал, но найти выхода так и не смог. Вплоть до нынешнего дня. Бойтесь своих желаний, ибо они сбываются, как говорят мудрецы. Три дня назад мне предложили работу с невероятно огромным доходом, о котором я мог только мечтать.

– А в чем подвох? – Шанталь сразу заподозрила в этом предложении подводные камни.

И Жан Филипп понимал, что все не так просто, иначе не стал бы волноваться или спрашивать ее совета. Если бы речь шла о переходе в другую компанию, которая предложила ему более высокий оклад, они бы просто отметили это событие.

Собравшись с мыслями, Жан Филипп продолжил:

– Я получил предложение от очень известной холдинговой компании. У них есть американские партнеры, которые уже заработали целое состояние. Они дают мне возможность стать компаньоном, а на этом можно сделать очень большие деньги. Первоначальная зарплата просто фантастическая, а компаньонство еще более привлекательно. Это именно то, о чем я мечтал, когда думал о возможности заработать много денег, чтобы поддерживать свою семью в будущем.

Тем не менее он оставался напряженным, когда официант поставил перед ними заказанные блюда и ушел. Шанталь ждала, что Жан Филипп продолжит свой рассказ с того места, где остановился, но он молчал.

– Тогда почему мы не заказали шампанское, чтобы отметить это событие? – спросила она, а он подавленно взглянул на нее.

– Потому что это Китай. Именно там сейчас крутятся большие деньги. Компания хочет, чтобы я перебрался в Пекин на срок от трех до пяти лет. А это не такое уж простое место для жизни. Я не могу представить себе, чтобы Валерия захотела перевезти туда детей. Она влюблена в Париж и обожает свою работу здесь. Перед ней открывается карьера, и, возможно, она станет главным редактором «Вог», но ее оклад никогда не сможет обеспечить нас, и она это знает. Такие предложения, как мне, не поступают каждый день, и если я отвергну его, то другого может и не быть. Я могу еще двадцать лет оставаться на месте и пытаться откладывать деньги. Если же мы переберемся в Пекин, я смогу заработать приличные деньги и обеспечить свою семью. Но... боюсь, она возненавидит меня, если будет вынуждена распрощаться со своей карьерой. Мне же придется постоянно выслушивать ее жалобы, и это доконает меня. В общем, ситуация достаточно неприятная, – закончил он грустно.

Шанталь погрузилась в раздумья. Непросто принять решение в такой ситуации. Конечно же, Валерия будет расстроена в любом случае. Ей придется пожертвовать своей карьерой ради мужа. К тому же глупо рассчитывать на то, что ее место продержат за ней три или даже пять лет, кто-то другой непременно займет его. Конкуренция в модных журналах всегда была жестокая.

– А ты советовался с Валерией? – негромко спросила Шанталь, стараясь мысленно взвесить все «за» и «против».

Но ведь Жан Филипп старался ради будущего семьи, а потому все «за», безусловно, перевешивали.

– Мне позвонили три дня назад, и наша встреча состоялась только вчера, поскольку их американские партнеры были в городе, а прошлым вечером мы проводили Белый ужин. У меня просто физически не было времени обсудить все с Валерией. Но это необходимо сделать как можно быстрее. Они ожидают нашего решения через пару недель и хотят заполучить меня уже в сентябре.

– И когда ты собираешься рассказать ей?

– В ближайшее время... Шанталь, подсажи, как мне поступить!

– Однако, – мягко произнесла она, откинувшись в кресле и перестав жевать. – Это непростой выбор. Кому-то придется терять – Валерии, если ты ответишь им положительно, или вашей семье в целом, если отклонишь это предложение.

– Да, оно слишком заманчиво, – признался он, – но что, если Валерия не пойдет на это? Что, если она оставит меня?

Он произнес это таким паническим тоном, что Шанталь испытала жалость к другу. Почему всегда возникает недостаток в золотом тельце? Ничего не происходит так просто, когда речь заходит о больших деньгах. И таким осложнением в данном случае выступает далекий Пекин. Шанталь не могла представить, чтобы Валерия перебралась туда по собственной воле. Ему придется чуть ли не силком перетаскивать ее в Пекин, или же она может наотрез отказаться и продолжить свою карьеру, даже если это будет менее доходно, чем предлагаемая мужу работа. Карьера очень много значила для нее, ведь она вращалась в мире моды уже более десяти лет, влившись в коллектив «Вог» сразу после колледжа. Да, нелегкое решение предстоит принять Валерии!

– Перестань говорить ерунду! Никуда Валерия не денется, она любит тебя, – сказала Шанталь, пытаясь убедить его. – Но, конечно, она будет расстроена, мы оба это знаем. А ты не должен упрекать ее за это. Валерия много и упорно работала в «Вог», и ей светит должность главного редактора, когда тот выйдет на пенсию... Слушай, а ты не можешь поехать в Пекин на более короткий срок? Скажем, на год-два, а не на три-пять? За такой срок тоже можно сделать что-то существенное, разве не так?

Но он покачал головой:

– Я могу попытаться уговорить их на первоначальный срок до трех лет, но меньше не получится. Парень, который там сейчас работает, возвращается на родину. Он провел в Пекине четыре года и открыл офис для компании.

– Тебе известно, почему он уезжает?

– Его жена не смогла там жить и уже год как перебралась в Штаты, – грустно ответил Жан Филипп, они оба рассмеялись.

– Что ж, это показывает, чего мы должны ожидать, не правда ли? – сказала Шанталь, утирая выступившие слезы. – Я думаю, уговорить Валерию будет непросто, зато в течение сравнительно небольшого периода времени можно достичь отличных результатов. Для тебя это станет огромным шагом вперед.

Но Шанталь понимала, как и он сам, что Валерия не оставит свою карьеру, чтобы вернуться в Париж через три-четыре года. К тому времени у журнала будет новый главный редактор, и это будет не она. А ведь Валерия так долго ждала этого момента...

– Я совершенно не уверен, что она поймет это, – вздохнул Жан Филипп. – Для нее их предложение будет означать одно: она должна уйти из «Вог» и перебраться с тремя детьми в какое-то ужасное место, о котором все говорят, что это самый жуткий город, в котором невозможно жить. Я не думаю, что Валерия готова пойти на это.

– Тебе следует больше доверять ей. Валерия умная женщина, и если захочет надежного экономического положения в будущем, то согласится на переезд. И в любом случае ты должен говорить убедительно, доказывать преимущества этого предложения, и постепенно вы с ней обязательно придете к разумному компромиссу.

Впрочем, ни о каком компромиссе речь идти не может. Он должен либо принять предложение, либо отвергнуть...

В таком духе они проговорили весь обед, а потом, выйдя из ресторана, Шанталь попрощалась с ним и, прежде чем свернуть в один из боковых переулков, с улыбкой попросила:

– Позвони мне, после того как поговоришь с ней. – Валерия женщина разумная, и Жана Филиппа любит. Как бы ни обернулось дело, Шанталь не сомневалась, что их взаимоотношения останутся незыблемыми. – Я буду здесь еще несколько дней, а в конце следующей недели надеюсь встретиться со своим младшим сыном в Берлине. Я не виделась с Эриком с февраля, он тогда работал над своей новой композицией и не хотел, чтобы ему мешали.

Новые концептуальные инсталляции Эрика казались ей слишком дерзкими, но все же он был одним из самых талантливых молодых художников, и его творения хорошо продавались. Шанталь гордилась сыном и всегда с удовольствием встречалась с ним. Он жил в Берлине уже три года, много и плодотворно работал и даже обзавелся новой подругой, с которой хотел ее познакомить. Эрик уделял матери гораздо больше времени и внимания, чем его брат и сестра, жившие куда дальше от нее, но она все равно видела его лишь несколько раз в году. Он был слишком занят своим искусством и приезжал в Париж только на Рождество, когда вся семья собиралась за традиционным праздничным столом.

После того обеда Шанталь не общалась с Жаном Филиппом несколько дней, что было довольно необычно, поскольку раньше он звонил ей чуть ли не ежедневно. С тех пор как ее дети разъехались, он считал ее буквально членом своей семьи. Она была полностью погружена в работу и сейчас создавала сценарий о группе женщин в концентрационном лагере в годы Второй мировой войны вплоть до их освобождения.

Шанталь подозревала, что признание Жана Филиппа о предложении ему новой работы было не очень-то хорошо воспринято его женой, и поэтому не хотела звонить ему сама и вмешиваться в происходящее. Она проработала без помех всю неделю и была довольна результатами, а в понедельник утром позвонил Жан Филипп.

– Ну и как дела? – спросила Шанталь, услышав его голос в трубке.

– Все, как ты предполагала, – ответил он усталым голосом. – Только ты говорила, что Валерия будет расстроена. Так вот, это не то слово. Она была поражена, раздосадована и зла, кричала на меня. Из хороших новостей только одна: развестись не предложила.

Шанталь ощутила комок в горле. У Жана Филиппа и Валерии вполне устроенная семейная жизнь, замечательные дети, отличное здоровье, хорошие друзья, любимая работа и чудесный дом в самом лучшем городе мира. Теперь же они должны сделать трудный выбор, в котором один из них оказывался в положении проигравшего и приносил жертву.

– Как ты считаешь, она согласится перебраться в Пекин? – спросила Шанталь.

– Вот прямо сейчас – нет, как мне кажется, но ее решение может измениться. Она думает об этом, а я получил три недели для окончательного принятия решения.

Во вторник они обедали вместе, и Жан Филипп выглядел очень напряженным. Валерия все еще не ответила ему. Для Жана Филиппа все было предельно ясно. Он считал, что им непременно нужно принимать это предложение – по тем причинам, которые весьма доходчиво обрисовал жене. С Шанталю они говорили о других вещах за обедом, и он рассказал ей то, что

узнал от Валерии: новостями о близнецах Грегорио пестрели страницы всех газет. Малыши по-прежнему оставались в парижском госпитале, и их состояние пока не улучшилось, ведь роды были преждевременными.

– Бедная Бенедетта, – с сочувствием произнесла Шанталь. К этому времени им уже стало известно, что близнецы родились в ночь Белого ужина, из-за чего их отец так неожиданно и покинул празднество. – Я даже предположить не могу, чем все это обернется. Не уверена, простит ли его Бенедетта, как это делала раньше. – Она нахмурилась и, помолчав с минуту, сказала: – Вполне может быть, что не простит и дело закончится разводом, ведь Грегорио обрел сразу двоих детей от любовницы, а Бенедетта так и не смогла подарить ему ни одного.

Шанталь всегда выражала свои мысли прямо и не скрывала эмоций, хотя годами сохраняла мир со своими друзьями. История Грегорио и Бенедетты потрясла ее. Теперь у него есть дети, а у его жены нет, и оставалось только предполагать, станет ли русская девушка важным фактором в его жизни. Все предыдущие интрижки никогда глубоко не задевали Грегорио, однако этот роман все изменил. Шанталь чувствовала жалость к Бенедетте, а Жан Филипп считал, что Грегорио на этот раз повел себя как идиот и зашел слишком далеко. Жан Филипп всегда оставался верным своей жене, к чему Грегорио был просто не способен.

После обеда Шанталь направилась в продовольственный отдел одного из универсальных магазинов, чтобы купить что-нибудь вкусненькое для Эрика. Перед поездками к сыну она всегда старалась запастись французскими продуктами, по которым он скучал, поскольку ему приходилось питаться жирными немецкими колбасами и шницелями.

Шанталь положила в свою корзину паштет из гусиной печени и отборные деликатесы, печенье, кофе и вообще все то, что, как она знала, обожал Эрик. Он очень ценил материнскую заботу и радовался, когда она приезжала в Берлин с целым пакетом французских лакомств, а этот универсальный магазин был прекрасным местом, где их всегда можно было найти. Она как раз укладывала в корзинку упаковку шоколада, когда заметила мужчину, смотрящего на нее. Лицо его показалось ей смутно знакомым, но, так и не вспомнив, где его видела, она прошла мимо.

Они снова встретились в очереди к кассе. Шанталь опять попыталась вспомнить, не встречала ли его раньше. Возможно, в этом самом магазине? Это был весьма привлекательный мужчина явно за тридцать, скорее даже ближе к сорока, в джинсах и шведских мокасинах и черном свитере. Он стоял в очереди позади нее, и когда Шанталь уже забыла про него, то услышала мужской голос:

– Ну как, ваше желание уже исполнилось?

Шанталь обернулась и на этот раз узнала его. Это был тот самый незнакомец, который принес чудесные бумажные фонарики на Белый ужин, подарил один из них ей и предложил загадать желание.

– Еще нет. Возможно, прошло мало времени, – просто ответила она, и он улыбнулся ей в ответ.

– Значит, надо подождать, и оно обязательно сбудется.

Шанталь кивнула, а он бросил взгляд в ее корзину, впечатленный набором деликатесов, выбранных ею. Сверху лежали две бутылки вина, придававшие корзине праздничный вид.

– Судя по всему, вы собираетесь устраивать дома вечеринку.

– Это гостинцы для сына, он сейчас в Берлине.

– Счастливый парень. У него чудесная мать и отличный вкус, – сказал он, увидев паштет из гусиной печени.

– Он голодающий художник и просто устал от колбас и мяса, – со смехом произнесла Шанталь, и тут подошла ее очередь к кассе. Заплатив за товар, она обернулась, чтобы попро-

щаться с ним: – Еще раз благодарю вас за фонарики. Вы сделали тот вечер по-настоящему сказочным для всех нас.

В устремленном на нее взгляде карих глаз сквозила мощная энергия, и Шанталь показалось, будто ее пронзил разряд электрического тока. Она вспомнила, что обратила внимание на его взгляд еще во время Белого ужина, когда он велел ей загадать желание. Тогда в его тоне звучала настойчивость, а когда их фонарик пустился в полет, он смотрел ему вслед столь же пристально, как и теперь.

– Я рад, что вам понравилось. Собственно, как и мне. – Его красивое лицо осветила улыбка. – Надеюсь, ваше желание сбудется. И не сомневаюсь, что вы хорошо проведете время с сыном.

– Благодарю вас, – еще раз сказала она, и на этом они расстались.

Еще примерно с минуту Шанталь думала о нем, о его очаровании и странной притягательности, а потом направилась домой, где и упаковала купленные для Эрика деликатесы в чемодан. Она не могла дождаться, когда увидит его. Они не виделись четыре месяца. Столь длительный промежуток времени между их свиданиями был причиной того, что она слишком много работала. Ей нравилось то, чем она занималась. Написание сценариев и скриптов для документальных сцен много значило для Шанталь, заполняло всю ее жизнь, так что плоды ее трудов были великолепны. Она вкладывала всю душу и сердце в то, чем жила: в свои сценарии, в своих друзей и своих детей, даже когда они оставили ее, разлетевшись по миру. И сейчас она была рада, что очень скоро встретится с сыном.

Глава 4

Когда Валерия тем вечером пришла домой с работы, напряжение, повисшее в их доме, можно было резать ножом. Она почти не разговаривала с Жаном Филиппом после того, как он сообщил ей о Пекине. Отправив детей спать, они поужинали в полном молчании. Жану Филиппу казалось, что таким образом жена наказывает его, хотя после того скандала она сказала, что ей надо подумать. И тем не менее ничего не обсуждала с ним, хмурилась, будто прикидывала в уме все «за» и «против» того или другого варианта, решив не отвлекаться на остальные темы, казавшиеся ей сейчас малозначительными.

Их дети были еще слишком малы, чтобы понять причину разлада, царившего в доме, но инстинктивно чувствовали возникшее между родителями напряжение. Окончательное решение вопроса о переезде неизбежно должно было так или иначе отразиться на детях. Валерия считала далеко не идеальным воспитание западных детей, росших в Пекине. Даже если никакие другие аспекты не станут помехой, все равно загрязненность воздуха ужасала, жизненные условия были тяжелыми, поэтому большинство западников не брали детей с собой в Пекин. Детям Валерии и Жана Филиппа было пять, три и два года. Валерия беспокоилась о медицинском обслуживании для них, о риске подхватить какую-нибудь заразу. Убеждая жену переехать в Китай, Жан Филипп приводил примеры, когда другие семьи перебирались туда, и это расширяло горизонты их детей с малых лет. Однако она мучилась сомнениями.

Валерию останавливало еще и то обстоятельство, что мир моды был неумолимой и крайне изменчивой средой, и она вряд ли так просто могла бы вернуться туда спустя три и тем более пять лет. Валерия не была готова отказаться от всего достигнутого. Временами она удивлялась, как Жан Филипп мог даже предложить ей такое. И хотя понимала, что он исходил из общих интересов их семьи, не могла не сердиться на него за желание перевернуть всю ее жизнь с ног на голову.

После первого известия о возможности смены работы он пытался несколько раз поговорить с ней, но она непременно отказывалась.

– Почему бы нам просто не обсудить это? – спросил он, заканчивая ужин и умоляюще глядя на нее.

– Потому что я не хочу. Я не желаю, чтобы ты давил на меня! – вспыхнула Валерия. – Мне необходимо обдумать это все без твоего воздействия.

– Но я не собираюсь уговаривать тебя или заставлять ехать туда, – рассудительно произнес Жан Филипп, но она не хотела слушать его, потому что не верила ему.

– В самом деле? – Валерия посмотрела на него и положила вилку на стол. – А вот мне кажется, что ты только и ждешь, чтобы я просто согласилась. Это не будет моим решением, Жан Филипп. Ты просто не оставляешь мне выбора. Отправиться вместе с тобой в такое место, которое я уже готова ненавидеть, и при этом поставить крест на своей карьере, либо остаться здесь, и тогда ты будешь всю жизнь корить меня за упущенную возможность. Ты зарабатываешь больше, чем я, и мне уже стало казаться, что ты имеешь и более весомый голос в нашей семье. Но я не думаю, что так уж честно противопоставлять его моему. А что, если мы не приживемся там, или дети начнут болеть, или ты не получишь тех денег, которые так тебя привлекают сейчас? Тогда что?

– Тогда мы вернемся домой, – негромко ответил он.

– И к этому времени я потеряю работу. Мне потребовалось тринадцать лет, чтобы занять высокое положение в «Вог». Почему я должна отказаться от всего этого? Только потому, что ты зарабатываешь больше, или потому, что ты мужчина?

– Мы сделали бы это для нашей семьи, Валерия. Ради нашего будущего. Это будет большой шаг вперед для всех нас. Надеюсь, ты понимаешь, что я прав. Время сейчас работает на нас, рынок развивается, я могу сделать состояние.

– Но нам не нужно состояние, – серьезно произнесла она. – Нам вполне хватает того, что есть.

– Тогда пусть это будет наше окончательное решение. Я просто получил шанс зарабатывать больше и отверг его. Возможно, когда-нибудь мы снова получим такой шанс. Но я не смогу зарабатывать так много во Франции или даже в Штатах, – сказал Жан Филипп, хотя никогда даже не думал перебраться за океан: они полностью укоренились во Франции, и она им очень нравилась.

– Почему деньги должны управлять нашей жизнью? Раньше ты никогда не допускал подобного. И это одна из причин, по которой мне нравится здесь жить. Да и что нас ждет в Пекине? Мы же не китайцы, для нас это совершенно другая культура, да и далеко не простой город. Все такого же мнения. И ты хочешь принести все это в жертву деньгам, которые там зарабатываешь? Я совершенно не уверена, что тоже хочу этого.

– Значит, мы не поедим, – сказал он, подводя итог нелегкому разговору.

Жан Филипп чувствовал себя побежденным ее аргументами, в особенности связанными с детьми, и не мог отрицать их справедливость. Ему не хотелось лгать ей. Он понимал, что они упускают хороший шанс, что те, кто приглашал его, надолго запомнят этот отказ, но не хотел расстраивать жену.

Валерия, все еще сидевшая за компьютером, пожелала ему спокойной ночи, когда он отправился в постель. Она уже несколько дней не целовала его, а ночью превращалась в злобную фурию, готовую обвинить его в чем угодно. Никогда ранее Валерия так не вела себя, но сейчас чувствовала, что не только вся ее жизнь, но и их брак висят на волоске. Что случится, если они станут перетягивать канат каждый в свою сторону? Ничто в пекинском предложении не привлекало ее, но Жан Филипп отчаянно хотел получить эту работу. Она понимала, что между ними началась война, отравляющая их отношения. Они оба чувствовали, как построенный ими мир распадается на части. Из союзников и единомышленников они в один миг превратились во врагов, что абсолютно немыслимо в их прежней совместной жизни. И каково бы теперь ни было их решение, один из них обязательно проиграет, а то и вся семья окажется в проигрыше.

В пятницу после полудня, когда Шанталь поднималась на борт самолета, который должен был унести ее в Берлин, думать она могла только о предстоящей встрече с младшим сыном. Она везла его любимые деликатесы, два новых свитера, поскольку то, в чем она его раньше видела, выглядело ужасно, а также несколько книг, которые, как ей казалось, он был бы рад прочитать. Она даже захватила с собой набор инструментов, чтобы сын мог сделать у себя хотя бы небольшой ремонт. Шанталь всегда следила за всем в доме, и ее дети неизменно добродушно посмеивались над подобной чистоплотностью. Эрик был единственным, кто ценил это и любил, когда мать опекала его. Ей было крайне жаль, что художественное сообщество Берлина было куда более авангардным, чем в Париже, и профессионально Эрик ощущал себя счастливее именно там. Он чувствовал, что со своим искусством будет куда более нужным в Берлине, невольно лишая тем самым мать столь необходимого ей общения с ним.

Отношения Шанталь с дочерью складывались не так хорошо, как с Эриком, поэтому Шарлотте нравилось жить в отдалении от матери на другой половине земного шара. А Поль просто влюбился в Штаты, когда еще учился в кинематографической школе при Университете Южной Калифорнии, и в тридцать один год выглядел куда более американцем, чем французом, прожив там тринадцать лет. И лишь любимый сын Эрик, нежный доверчивый парень, обожал ее общество. Им всегда было весело вместе. Когда умер отец Эрика, ему едва исполнилось

три года, и она воспитывала его одна. Именно по нему она больше всего скучала, даже в свои двадцать шесть лет он оставался для нее ребенком.

Эрик по-медвежьи неуклюже обнял мать, встретив ее около стойки выдачи багажа, и на одолженном у друзей автомобиле отвез ее к себе домой, потому что всегда настаивал на том, чтобы она останавливалась у него, а не в отеле. Он наслаждался их совместными завтраками и длительными беседами. Он зарабатывал на жизнь искусством, но Шанталь время от времени помогала ему материально, хотя он ни о чем не просил ее.

Проживал Эрик в районе Фридрихсхайм, платил совсем крошечную арендную плату за подобные конуре апартаменты, но также снимал студию в этом доме, где устраивал свои инсталляции. Студия Эрика представляла собой одну из лучших авангардных концептуальных галерей Парижа. Шанталь гордилась сыном, хотя совершенно не понимала его работ, и восторгалась его известностью. А еще она любила шумные сборища его друзей и ощущение богемности окружающей среды. Нечастые свидания с Эриком всегда становились для нее настоящим праздником.

Когда они добрались до жилища Эрика, Шанталь достала из чемодана продукты, привезенные специально для него, и он пришел в восторг. Сын тут же открыл банки с паштетом, а Шанталь приготовила тосты в старой духовке, которой он никогда не пользовался. В его обществе она снова чувствовала себя матерью, с удовольствием слушала истории, которые он рассказывал, смеялась вместе с ним над его приколами и говорила о своем сценарии из времен Второй мировой войны. Общаясь с ним, Шанталь остро чувствовала, как сильно по нему скучает и как пуста ее жизнь без детей, разлетевшихся по свету. Увы, то время, когда они были маленькими, миновало безвозвратно, и теперь ей оставалось только довольствоваться короткими и столь редкими встречами с ними.

Что ж, таковым оказалось искусство быть матерью взрослых детей, и оно далось ей не так уж просто. С их отъездом в ее жизни образовалась пустота, но она ни намеком не обмолвилась с ними об этом. Она не считала их виновными в том, что они повзрослели и у них появились свои интересы, как бы горько это ни было для нее. Ей оставалось смириться с таким положением вещей, и у нее это получалось с переменным успехом. Вот, например, свидания с младшим сыном всегда поднимали ей настроение на несколько недель. Приезжая к Эрику, она искренне радовалась, проводя с ним время, а он забрасывал работу, чтобы уделять все внимание матери.

В один из вечеров они пригласили на ужин Аннелизу, его новую подружку. Она оказалась милой девушкой из Штутгарта, студенткой, изучавшей искусство и боготворившей Эрика. Аннелиза совершенно не скрывала, что он, по ее мнению, гений, а Эрик смущался ее восхищением, но был очень рад, что она понравилась Шанталь, несмотря на ее многочисленные тагуировки и пирсинг на лице. Шанталь давно уже привыкла к таким художествам: видела у его друзей и подруг, – но сам Эрик, к счастью, ничем подобным не обзаводился.

Шанталь забавляло, сколь ее дети отличались друг от друга. Шарлотта всегда была самой консервативной из всех, сторонилась бесшабашных друзей младшего брата и их образа жизни. Порой девушка даже позволяла себе делать замечания матери относительно ее якобы богемных костюмов и просила надевать что-нибудь более строгое, когда мать навещала ее в Гонконге и они собирались в ресторан. Поль же с радостью принял все аспекты жизни в Штатах, включая бодибилдинг и тяжелые силовые тренировки. В течение уже многих лет он придерживался вегетарианства, всегда просвещал мать относительно всевозможных диет и брал ее с собой в гимнастический зал, когда она бывала в Лос-Анджелесе. Шанталь жаловалась Жану Филиппу, что сын едва не угробил ее своими кардиоупражнениями. Зато, едва покинув Новый Свет, она набрасывалась на нормальную еду и даже иногда курила, когда ощущала потребность в этом. Единственное преимущество жизни в одиночестве заключалось в том, что она могла делать все, что ей хочется, но это была слишком слабая компенсация за то, что она так редко видела своих детей...

Перед отъездом из Берлина в воскресенье вечером Шанталь набила холодильник Эрика продуктами, которые он любил, заменила все перегоревшие лампочки в его жилище, отмыла до блеска полы, отремонтировала две перекошенные полки в его студии, заменила сломанный светильник, сводила сына в ресторан и провела довольно много времени с его новой подружкой, чтобы лучше узнать ее. Все вместе они сходили в Музей гамбургского вокзала, один из любимых Шанталь, и от этого похода Эрик и Аннелиза тоже получили удовольствие.

Шанталь долго не отпускала Эрика от себя, расставаясь с ним в аэропорту, и еле сдерживала слезы, не зная, когда они увидятся в следующий раз. Проведенное вместе время было, как всегда, замечательным, но она поднималась по трапу в самолет, отправляющийся в Париж, с тяжелым сердцем, так как время это пролетело слишком быстро.

Когда самолет взлетел, Шанталь сидела, грустно глядя в окно, под которым мерцал вечерними огнями Берлин, и даже, когда самолет приземлился в Париже, а она отправилась получать багаж, мысли об Эрике не оставляли ее. Она сделала несколько дюжин фотографий сына на мобильный телефон, которые собиралась распечатать, оправить в красивые рамочки и развесить по гостиной. Она всякий раз поступала так, навестив кого-то из детей, словно хотела напомнить самой себе, что они все же существуют, даже если она не может видеть их каждый день.

Стаскивая тяжеленный чемодан с багажной ленты, Шанталь задела кого-то позади себя, обернулась, чтобы извиниться, и обнаружила, что смотрит прямо в лицо того самого мужчины, который принес фонарики на Белый ужин и с которым она встретилась в магазине, когда покупала деликатесы для Эрика. Мужчина тоже смутился, узнав ее, но быстро пришел в себя и предложил ей поднести ее чемодан, по крайней мере до тех пор, пока она не найдет грузовую тележку.

– Нет, спасибо, я справлюсь сама. Тем не менее я вам благодарна.

– И все же позвольте вам помочь. Я вполне смогу поднести его хотя бы до края тротуара. Вы же видите, у меня нет багажа.

Он был облачен в деловой костюм и выглядел вполне респектабельно, а в руках держал всего лишь черный атташе-кейс. Она же путешествовала в джинсах и свитере: только такой комплект одежды требовался ей для посещения Эрика в Берлине.

– Вам удалось повидать сына? – светским тоном поинтересовался он, неся ее чемодан, а она снова стыдилась за его тяжеленный вес.

– Да, удалось. Вот возвращаюсь.

– И как, был он рад тем вкусностям, что вы привезли ему? – улыбнулся он, вспомнив о паштете из гусиной печени. – Меня вот никогда не баловали ничем подобным. Ваш сын счастливый парень. А что это вы привезли с собой от него? – спросил он с усмешкой. – Небось шары для боулинга?

Его вопрос рассмешил Шанталь.

– Там инструменты. У сына всякий раз нужно что-нибудь отремонтировать в доме.

При этих словах что-то изменилось в выражении его лица. Только сейчас он понял, какая она хорошая мать и как, должно быть, скучает по сыну, который живет так далеко, в Берлине.

– А вот и тележки, можно остановиться. Здесь вам удобно?

– Вполне, – произнесла она.

– Кстати, меня зовут Ксавье Томас, – представился мужчина, ставя ее чемодан на тележку для багажа.

– Шанталь Живерни, – сказала она в свою очередь, пожимая ему руку.

– Где вы живете? – вежливо спросил он.

– На улице Бонапарта, в шестом доме.

– Надо же! Я живу совсем рядом с вами. Может, поедем в одном такси?

Поколебавшись секунду, Шанталь кивнула. Ей представилось странным, что она уже несколько раз столкнулась с ним. В такси он попытался объяснить это:

– Я думаю, это судьба. Когда мы как бы случайно попадаемся друг другу на глаза три раза, это что-то значит. В первый раз на Белом ужине. Там было семь тысяч четыреста человек. Вы могли сидеть за любым столиком, и мы бы никогда не встретились. Потом в гастрономическом отделе универмага, и вот теперь в аэропорту. Мой рейс из Мадрида опоздал на два часа. Если бы он прибыл вовремя, мы бы непременно разминулись. Вместо этого мы здесь, что чертовски удачно для вас, поскольку я не знаю, как бы вы тащили этот тяжеленный чемодан. Совершенно ясно, что мы были обречены встретиться вновь. Из уважения к этому факту и силам, которые управляли нами, не угодно ли вам поужинать со мной? Я знаю одно приличное местечко, которое вам наверняка понравится.

Ксавье назвал бистро, которое Шанталь и Жан Филипп регулярно использовали для совместных обедов. Воистину их мир был полон совпадений, и хотя Шанталь собралась было сказать ему, что устала и хочет домой, но потом решительно тряхнула головой. Какого черта! Почему бы и не поужинать с интересным мужчиной? Он выглядел молодо и явно не старался соблазнить ее, просто был дружески к ней расположен. Шанталь всегда претило возвращаться домой в ее одинокое молчаливое жилище, после того как она гостила у кого-то из своих детей.

– С удовольствием, – согласилась она.

Он улыбнулся в ответ, и на лице его отразилось удовлетворение.

– Тогда давайте сначала забросим ваш чемодан, иначе мне придется заниматься этим после плотного ужина, хоть это и было бы неплохим упражнением. Надеюсь, в Берлине его таскал ваш сын.

– Именно так. Он хороший парень, – с гордостью произнесла Шанталь.

Вскоре они подъехали к ее дому, и она поднялась с чемоданом в лифте, а Ксавье остался ждать внизу. Шанталь задержалась у себя буквально на мгновение, чтобы причесаться и поправить губную помаду.

По дороге к бистро Ксавье объяснил, что у него была встреча с клиентом в Мадриде, которая заняла всего один день. Шанталь узнала, что он адвокат, специализируется на международных авторских правах и интеллектуальной собственности. В Мадрид летал обсудить некоторые вопросы с французским автором, живущим в Испании и являющимся его давним клиентом. Шанталь же рассказала, что она драматург и пишет сценарии для документальных и художественных фильмов.

– У вас красивое имя, – заметил Ксавье, когда они пришли в бистро и он попросил провести их на террасу.

Столик оказался совсем близко к тем, за которыми обычно сидели они с Жаном Филиппом, и владелец ресторана узнал Шанталь, а потом и Ксавье.

– Вы часто здесь бываете? – спросил Томас, задвигая атташе-кейс под стул и, когда она кивнула, добавил: – Я тоже. Возможно, мы могли видеть здесь друг друга и раньше.

– Вполне вероятно.

За ужином Ксавье расспрашивал Шанталь о ее детях, и она рассказала, а затем последовали подробные вопросы о ее работе. Оказывается, он смотрел два фильма по сценариям Шанталь, которые изрядно его впечатлили. Ей было очень приятно общаться с этим человеком, ведь он действительно искренне интересовался ее делами и нисколько не красовался перед ней. Шанталь тоже стала расспрашивать Ксавье о его работе, а на вопрос, замужем ли она, ответила, что овдовела, когда дети были еще совсем маленькими, и потом не выходила замуж. Ксавье, в свою очередь, признался, что жил с женщиной семь лет, но год назад они расстались.

– Не произошло ничего из ряда вон выходящего, не было никакой трагической истории. Она не сбежала с моим ближайшим другом. Мы просто очень много работали и постепенно

отдалялись друг от друга. Когда между нами возникла скука, мы оба согласились, что пришло время для перемен. Наши отношения просто исчерпали себя.

– Вы были достаточно умны, большинство людей этого не понимают и остаются вместе, люто ненавидя друг друга.

– Ни я, ни она не хотели ждать такого развития отношений, – негромко произнес Ксавье. – Таким образом, мы остались добрыми друзьями. Сейчас она по уши влюблена в парня, которого встретила полгода назад. Я думаю, они собираются пожениться. Ей сейчас тридцать семь лет, и она отчаянно хочет детей. В этом всегда было главное различие между нами. Я не очень-то верю в брачные узы и совершенно точно не хочу детей.

– Когда-нибудь вы можете изменить свое отношение, – проговорила она, и он улыбнулся в ответ.

– В тридцать восемь лет, учитывая к тому же мое нежелание иметь детей вплоть до сегодняшнего дня, я, вероятно, так никогда их и не захочу. Я сказал ей об этом в самом начале наших отношений. Полагаю, она надеялась, что сможет переубедить меня, но ей это не удалось. А ее биологические часы тикали все громче и громче, что стало еще одной весомой причиной нашего расставания. Мне вовсе не хотелось лишать ее шансов обзавестись детьми, раз уж она и в самом деле стремилась к полноценной семье. Мои убеждения трудно поколебать: отцовству я всегда предпочитал отношения с любимой женщиной. Дети никогда не остаются с тобой. Ты вкладываешь в них свою любовь, а потом они разлетаются из семейного гнезда. Но женщина, которую ты выбрал, надеюсь, останется.

– Слова ваши весьма разумны, – улыбаясь, сказала Шанталь. – В свое время никто мне этого не объяснил, и теперь я мать детей, живущих по всему свету. Они отлично проводят время, а я едва вижу их всех, что отнюдь не доставляет мне особого удовольствия. Они живут в Берлине, Гонконге и Лос-Анджелесе.

– Должно быть, вы много вложили в них, дав им возможность так широко расправить крылья и разлететься по миру.

Это было интересное замечание с его стороны. Жан Филипп всегда говорил то же самое.

– Или разогнала их так далеко, как только смогла, – сказала она, по-прежнему улыбаясь, но в голосе ее прозвучала грусть.

Шанталь казалась ему хорошим человеком, и он уже почти полюбил ее детей только за то, как она говорила о них. Она принимала их такими, какие есть, и не навязывала своего мнения, не учила жить по своему разумению, и это произвело на него впечатление.

– Мои дед и отец были адвокатами и надеялись, что мы с братом пойдем по их стопам. Поскольку брат стал музыкантом, я чувствовал себя обязанным поддержать семейную традицию, и вот я здесь, ужинаю с вами, слетав в воскресенье в Мадрид, чтобы повидаться с клиентом. Но по крайней мере, мне нравится дело, которым я занимаюсь. Я намеревался стать адвокатом по криминальным делам, но, за исключением весьма редких значительных преступлений, это оказалось таким скучным и малоинтересным делом, что я занялся интеллектуальной собственностью и по-настоящему полюбил своих клиентов. Я предпочел не работать в фирме своих родственников. Они занимались налоговыми вопросами, но закрылись, когда мой отец ушел на пенсию. Их дела вызывали у меня скуку и зевоту до слез. Похоже, ваши дети нашли себе интересную работу.

– Так и есть. Я всегда говорила им, чтобы они следовали своим мечтам, когда мы жили вместе. Они верили мне, и вот теперь каждый из них стал тем, кем хотел: банкиром, режиссером фильмов, художником.

Она улыбалась, говоря это, и он смог заметить, как она гордится их достижениями.

– Вы сделали своим детям отличный подарок, предоставив свободу выбора, – с одобрением проговорил Ксавье.

– Жизнь слишком коротка, чтобы заниматься тем, что тебе не по душе. Взять, к примеру, меня. Сначала я была журналисткой, но ненавидела эту работу. Мне потребовался не один год, чтобы понять, что я люблю писать. Для нас наступили трудные времена, когда я лишилась мужа и должна была зарабатывать на жизнь творческой работой. Это меня несколько пугало, но потом все наладилось. Мне очень нравилось писать.

– И у вас это здорово получается, – прокомментировал Ксавье.

Они оживленно проговорили все время ужина, и около одиннадцати часов он проводил ее домой.

– Мне бы хотелось как-нибудь пообедать с вами или снова поужинать, если вы не против, – с надеждой произнес Ксавье, и она не смогла понять, что это было – просто дружеское предложение или приглашение на свидание, что представлялось невероятным из-за разницы в возрасте.

Он не спрашивал, сколько ей лет, но, исходя из возраста ее детей, из чего Шанталь не делала секрета, становилось понятно, что она значительно старше его. По ее прикидкам, между ними была разница лет в семнадцать, хотя это не бросалось в глаза. Безусловно, Шанталь льстила себе, надеясь, что он попытается пригласить ее на свидание, однако не видела причин, по которым они не могли бы просто оставаться друзьями. Обычно она не ужинала с незнакомцами, но их пути пересекались достаточно часто, так что на этот раз она решила сделать исключение, в особенности после встречи на Белом ужине.

– Пожалуй, это неплохая мысль, – произнесла она, улыбнувшись ему.

Довольный ответом Шанталь, Ксавье протянул ей свою визитку и попросил позвонить ему, чтобы и в его телефоне появился ее номер.

– Давайте осуществим это побыстрее, – сказал он улыбаясь, – чтобы нам больше не пришлось встречаться в магазинах или аэропортах. А то я определенно не смогу дождаться Белого ужина следующего года.

Шанталь рассмеялась и решила поддержать его шутку:

– Я тоже вряд ли смогу столько ждать, хотя очень надеюсь, что вы и тогда придете и принесете еще больше фонариков, и сядете недалеко от нас. Вы сделали тот вечер чудесным для всех нас.

– А вы превратили его в праздник для меня, – признался он, устремив на нее интригующий взгляд темно-карих глаз.

Теперь в этом его взгляде было нечто куда большее, чем простая дружба. Шанталь почувствовала вдруг что-то вроде разряда тока, прошедшего сквозь все ее тело, но постаралась убедить себя, что это ей только кажется. У Ксавье был очень выразительный взгляд, в котором отнюдь не скрывался и чисто мужской интерес. Она отметила для себя, что этот взгляд не имеет ничего общего с теплым, дружеским, даже братским взглядом Жана Филиппа. «Уж не бабник ли он?» – подумала Шанталь. Однако в поведении Ксавье не было ничего фривольного – такого, как у Грегорио. Ксавье вовсе не заигрывал с ней, а четко дал понять, что его к ней тянет. Он казался совершенно искренним, и Шанталь решила, что он должен понравиться Жану Филиппу, что было очень важно для нее, поскольку она уважала мнение друга. Может быть, однажды они пообедают вместе, все трое.

Шанталь еще раз поблагодарила Ксавье за ужин, когда он подвел ее к парадной двери, и помахала рукой, нажимая кнопки кодового замка. Открыв дверь, она скрылась за ней.

Ксавье вернулся домой пешком, все время улыбаясь.

Глава 5

Те несколько дней после Белого ужина, которые Бенедетта провела в Париже, пока не вернулась в Милан, оказались куда более тяжелыми, чем она представляла. Кто-то уже успел проболтаться газетчикам, что у Грегорио родилась двойня, и папарацци разбили лагерь у госпиталя, надеясь хотя бы мельком запечатлеть его, Аню или детей. Когда же госпиталь возвел стену молчания и не предоставлял им никакой информации, они стали преследовать Бенедетту в Милане, фотографируя ее по дороге на работу и по возвращении домой.

Папарацци удалось чудом заполучить фотографию Грегорио, входящего в отель «Георг V» с мрачным выражением лица, когда ему понадобилось взять в своем номере какие-то вещи. Все остальное время он не отходил от Ани. В госпитале даже выделили для них комнатку в родильном отделении, где они, по сути, и жили, проводя все время в отделении интенсивной терапии для новорожденных, наблюдая за процедурами над близнецами и глядя, как их тоненькие ручонки двигаются, а пальчики сжимаются и разжимаются. У обоих близнецов по-прежнему сохранялись проблемы с сердцем и недостаточный объем легких, так что они постоянно находились на грани риска. Аня вскакивала по ночам, постоянно неся вахту около них, а поздно вечером, когда заканчивалось время посещения, возносила молитвы за своих малышей в госпитальной часовне, преклоняя перед распятием колени вместе с Грегорио. Неожиданно для себя он стал любящим отцом и был предан Ане в такой мере, в какой должен бы быть предан своей законной жене. И агония, в которой они жили все это время изо дня в день, все крепче связывала его с Аней. Грегорио по-прежнему планировал вернуться к Бенедетте, но пока даже не представлял, когда это сделает, и разговоров об этом с Аней не заводил, чтобы еще больше не огорчать несчастную девушку.

Грегорио пытался звонить Бенедетте почаще, но каждый день появлялись новые проблемы, с которыми приходилось бороться. Близнецов назвали Клаудиа и Антонио, и Грегорио настоял на крещении их госпитальным священником, о чем сразу же провела пресса. Бенедетте стало неприятно, когда она прочитала об этом в газетах. У Грегорио теперь была другая жизнь, совершенно отдельная от нее. А когда он звонил ей, то мог говорить только об Ане и детях, поскольку они стали единственными близкими для него людьми во вселенной, ныне изолированными в парижском госпитале.

Бенедетта начала страшиться его звонков, хотя Грегорио постоянно обещал вернуться к ней, как только сможет, однако возвращение все время отдалялось в неопределенное будущее, возможно на целые месяцы. Грегорио чувствовал свою ответственность за Аню и детей, но в то же время в Милане у него жена, которой он постоянно твердил, что любит ее и не хочет терять.

Бенедетте только и оставалось, что вести их общее дело да сражаться с папарацци, осаждавшими ее в Милане. Даже спустя недели после рождения близнецов пресса продолжала охотиться за ней и печатать фотографии, на которых она выглядела огорченной. Папарацци не удавалось запечатлеть Грегорио, Аню или близнецов, поэтому они сосредоточились на Бенедетте.

Родители Грегорио были столь же расстроены, как и она сама, читая бесконечные статьи в газетах. Его отец не мог скрыть своей ярости к сыну, а мать названивала невестке, чтобы узнать, когда он появится дома. Однако Бенедетта, измученная ее вопросами, отвечала одно: она понятия не имеет, когда это случится. Малыши чувствовали себя несколько лучше, чем в дни после рождения, но еще рано было давать какие-либо прогнозы. Мать Грегорио постоянно рыдала в трубку из-за позора, навлеченного ее сыном на всю семью, и Бенедетте приходилось утешать еще и свекровь. Ее собственная мать сказала, что не желает его больше видеть, и добавила, что он предал их всех.

Все это отнимало так много времени у Бенедетты, что она едва успевала думать о себе и принимать меры по их совместному бизнесу. Сразу возникли проблемы на одной из шелкоткацких фабрик, из-за чего они не смогли сшить сотни комплектов одежды, которую должны были выпустить. У одного из их самых крупных китайских поставщиков случился пожар, уничтоживший три фабрики, а это означало, что они не смогут вовремя выполнить крупный заказ для Штатов. А потом началась забастовка докеров в Италии, и значительная часть их товаров осталась болтаться на рейде.

Жизнь Бенедетты превратилась в замкнутый круг страданий и проблем, которые она не могла разрешить. Она являлась главой их команды художников-дизайнеров, но без Грегорио, оставшегося недостижимым в Париже, была вынуждена взвалить на свои плечи и его часть работы, а также принимать сложные деловые решения. До сих пор они были единой слаженной командой. Один из его братьев пытался ей помочь, но он был производственником и хорошим специалистом по вопросам выпуска продукции, однако неспособным заменить Грегорио. При полном отсутствии ответственности в личной жизни Грегорио обладал острым чувством бизнеса и способностью предотвратить катастрофу. Теперь все изменилось.

Бенедетта чувствовала, что ее захлестывают цунами проблем. Но тут в конце июня ей позвонила Валерия. Она не спрашивала Бенедетту о частностях, просто сказала, что очень огорчена всем случившимся. Валерия мельком слышала о проблемах с шелкоткацкими фабриками, но не стала говорить и об этом, предположив, что у Бенедетты и так хватает проблем.

– Это какой-то кошмар, – призналась подруге Бенедетта прерывающимся голосом. Так уж вышло, что Валерия позвонила не в самый удачный день. Контейнеровоз с товарами, в которых они отчаянно нуждались, затонул во время шторма у побережья Китая. День этот стал Литанией о несчастье и обо всех погибших вместе с парохомом. – Все, что могло случиться, случилось, а Грегорио тем временем сидит в Париже с этой девчонкой и ее детьми. Мы даже не можем ему позвонить. Он, видите ли, не желает, чтобы его беспокоили. Это какое-то безумие!

Ситуация выглядела несколько сюрреалистично, а голос Бенедетты звучал так, словно она была готова сдаться. В первый раз за двадцать лет она почувствовала, что лишилась мужа. Он обманывал ее и раньше, но они как-то переживали случившееся, однако никогда еще ситуация не достигала такой поистине эпической напряженности.

– Он не говорил, – осторожно спросила Валерия, – когда собирается вернуться домой?

Валерия надеялась, что Грегорио не совсем идиот, чтобы оставить жену после двадцати трех лет совместной жизни ради какой-то модели, и неважно с близнецами или без. Грегорио вел себя по-глупому, но он был не единственным глупцом в мире, к тому же их семейные предприятия так переплелись между собой, что альянс этот просуществовал более века. Не было никакого смысла рушить этот бизнес и их семью.

– Нет, он только все время твердит, что не может оставить Аню совершенно одну в Париже, где ее некому поддержать. Они по-прежнему не знают, смогут ли выжить их дети. Поскольку они родились преждевременно, у них проблемы с легкими и сердцем. И это все, что Грегорио мне рассказал. Он ведет себя так, словно, кроме близнецов, ничего на всем белом свете нет, а на все дела ему наплевать.

– Вам просто надо продержаться. Когда-нибудь он очнется и придет в себя, и тогда вы сможете во всем этом разобраться.

– Я продолжаю верить в это, но временами мне кажется, что он просто сошел с ума. В его поступках нет никакого смысла, – подавленно произнесла Бенедетта.

– Постарайся оставаться столь же спокойной, как и сейчас, – мягко посоветовала Валерия.

– Я стараюсь, – вздохнула Бенедетта, – но это не так просто. Уже несколько ночей я не могу спать. Лежу без сна и думаю о том, что с нами случилось.

Помимо проблем бизнеса, который она вела в его отсутствие, Бенедетту донимали те же мысли, что и любую женщину, муж которой внезапно обзавелся близнецами от девушки на двадцать лет его моложе. Она начинала подозревать, что он навсегда останется с Анной и вообще не возвратится домой.

– А что делается у вас? Все хорошо в Париже? – в свою очередь поинтересовалась она у Валерии.

Бенедетта даже подумать не могла, что у них что-то не так. Валерия и Жан Филипп были идеальной парой, имели троих прелестных детишек, занимались любимым делом, были окружены чудесными друзьями и жили в великолепном доме. В любом отношении они являлись образцовой семьей, и Бенедетта немножко завидовала им.

– Да не совсем так. У нас здесь что-то вроде внутреннего кризиса. Жан Филипп намерен реализовать грандиозные планы, связанные с бизнесом, но это ударит либо по моей карьере, либо по нашему супружеству – не знаю пока точно. Возможно, и по тому, и по другому.

Бенедетта ужаснулась, услышав ее признание.

– Ох, мне так жаль... Могу я чем-нибудь помочь?

– Нет, нам придется самим во всем разобраться. Это первая по-настоящему серьезная проблема, которая встала перед нами.

Бенедетта далеко не один раз имела проблемы с Грегорио, но она верила, что Жан Филипп и Валерия со всем справятся.

– Жан Филипп хороший человек. В конце концов, он сможет принять правильное решение. Я верю в вас обоих, – тепло произнесла Бенедетта.

– Хотела бы я сказать то же самое. Но не знаю, куда на этот раз подует ветер. И это уже плохо. Ладно, не буду нагружать тебя еще и своими проблемами. Я просто хотела, чтобы ты знала: я помню о тебе, и мы оба с Жаном Филиппом очень тебя любим.

– Это так унижительно, когда весь мир копается в нашей личной жизни. Я чувствую себя просто дурой, – созналась она, едва не плача.

– Ты совсем не дура, Бенедетта. Винават прежде всего Грегорио, потому что поставил вас обоих в такое положение.

– Нет, я выгляжу как идиотка, поскольку допустила это. Мне бы так хотелось, чтобы все вернулось обратно, на свои места. Я даже не знаю, как посмотрю на него, когда – и если – он захочет вернуться домой.

– Это не может продолжаться до бесконечности. Все уладится, а потом постепенно забудется.

Валерия была совсем не уверена, что все так и произойдет, поскольку ситуация вышла слишком скандальной, но ей казалось правильным утешить Бенедетту.

– Спасибо, что позвонила, Валерия. Для меня это очень много значит, и я сожалею, что у тебя с Жаном Филиппом тоже возникли проблемы. Я буду молиться за вас обоих.

– Спасибо и тебе, – сказала Валерия со слезами на глазах.

Положив трубки, обе женщины вытерли слезы. Их мужчины доставляли только огорчения.

В начале июля Бенедетте пришлось принять еще одно решение. У них была договоренность с друзьями отправиться на следующей неделе в путешествие на Сардинию, и она не знала, стоит ли ехать, поэтому спросила совета у Грегорио, когда тот позвонил.

– Да неужели ты полагаешь, будто я способен сейчас думать об отпуске? Как ты можешь позволить себе даже спрашивать об этом? Сегодня у моего сына была остановка сердца, и врачам пришлось постараться, чтобы вернуть его к жизни. Да плевать я хотел на все эти путешествия! – произнес он разъяренным голосом. Бенедетта разрыдалась на другом конце телефонной линии.

– Тебе плевать? Я переживаю весь этот кошмар, затеянный тобой! Я веду дела и кое-как справляюсь с забастовками докеров, авариями на фабриках и пожарами на предприятиях в Китае, эти чертовы папарацци не оставляют меня в покое из-за тебя и твоей шлюхи, а ты возмущаешься, когда я спрашиваю тебя о нашем отпуске. Почему бы тебе не провести его там вместе с ней? Тебе же все равно. Ладно, забудь про Сардинию. Я решу сама.

Высказав все это, она бросила трубку, но он тут же перезвонил с извинениями.

– Это все из-за угнетающей обстановки, которая здесь царит. Если бы ты их увидела... они такие крошечные и выглядят так, что едва ли выживут, а Аня просто боится прикоснуться к ним. Я должен оставаться здесь ради нее.

При этом он явно ожидал от своей жены понимания и сочувствия.

– Разумеется, – безжизненным голосом произнесла Бенедетта.

Она больше не могла его слушать. С одной стороны, он мгновенно стал ответственным преданным отцом, а с другой – хотел, чтобы она принимала близко к сердцу его тревогу о детях и их матери, которые не имели к ней никакого отношения, разве что все вместе разрушили ее жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.